Arseńev, K. I.

C. Boe

ЦАРСТВОВАНІЕ

ПЕТРА II.

СОЧИНЕНІЕ

Константина Арсеньева,

читанное

Въ собраніи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи
2 Іюля 1838.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.
1839.

Печатано по опредѣленію Императорской
Россійской Академіи.

Членъ и Непремѣнный Секретарь *Д. Языковъ.*

Царствование Петра II.

Вступленіе Петра II на престолъ.

Права Петра II на престолъ были неоспоримы, и по рожденію его, и по завѣщательному акту Екатерины I, всѣми принятому и утвержденному присягою, и потому манифестъ о вступленіи его на престолъ изданъ былъ не отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта, но отъ лица самаго Императора, какъ бы въ доказательство его самодержавія. Но могъ ли въ существѣ самодержавствовать отрокъ, еще не достигшій полныхъ двѣнадцати лѣтъ жизни? (1).

Составъ Регентства.

Съ перваго дня царствованія Петра II, Совѣтъ *Администраціи* или Регентства воспріялъ свое дѣйствіе. Не безъ основанія пола-

*

гали, что первенство въ Совѣтѣ и важнѣйшее участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія имѣть будетъ Анна Петровна, не только именемъ однимъ, но и самымъ дѣломъ: *она умильна собою, и пріемна, и умна; походитъ на отца* (2); отъ нея надѣялись благоразумнаго указанія въ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на Совѣтъ, отъ нея ожидали самостоятельности и знанія въ дѣлахъ, въ ней предполагали довольно силы воли и рѣшительности характера. Надежды и предположенія напрасныя! Анна Петровна слишкомъ довѣряла своему супругу, а Герцогъ Голштинскій мечталъ болѣе о почестяхъ, о наружныхъ знакахъ власти, чѣмъ о самой власти: онъ хотѣлъ быть Генералиссимусомъ войскъ Россійскихъ, не показавъ воинскихъ своихъ дарованій. Онъ не достигъ ни того, ни другаго.

Единовластительство Князя Меншикова.

Князь Меншиковъ, всегда неусыпно дѣятельный, въ послѣднія минуты жизни Екатерины I такъ счастливо одолѣвшій козни враговъ сильныхъ (3), тѣмъ бдительнѣе и строже наблюдалъ за всѣми дѣйствіями своихъ совмѣстниковъ, его сочленовъ въ Совѣтѣ Администраціи. Онъ зналъ непріязнь къ себѣ Герцога и то рѣшительное участіе, которое онъ принималъ въ погубленіи его, и въ особенности къ отклоненію покойной Императрицы отъ согласія на бракъ Петра Алексѣе-

вича съ Княжною Меншиковою, и потому всѣ удары власти и злобы обратилъ Меншиковъ преимущественно на Герцога Голштинскаго; прочіе совмѣстники казались ему неопасными или ему преданными. Графы Головкинъ и Апраксинъ давно свыклись съ мыслію о превосходствѣ Меншикова надъ ними, и не противудѣйствовали ему ни въ чемъ, или по миролюбію и уклончивости, или по нелюбви къ тревожной жизни и кознямъ дворскимъ; Баронъ Остерманъ, одолженный ему первоначальнымъ своимъ возвышеніемъ, чрезъ его посредство получившій мѣсто Шафирова и званіе Вице-Канцлера, и по дальновидности своей угадывая невозможность борьбы съ нимъ, являлъ себя усерднымъ приверженцемъ и поклонникомъ властолюбца; Князь В. Л. Долгорукой, проведшій большую часть своей жизни при Дворахъ Европейскихъ, и опытный въ дипломатическихъ хитростяхъ, былъ еще новъ въ дѣлахъ отечественныхъ и искалъ себѣ подпору,—и въ комъ, кромѣ Меншикова, будущаго тестя Государева, могъ онъ найти болѣе надежную и твердую? Князь Голицынъ *льстилъ и манилъ ему токмо для своего интереса* (4), раболѣпствовалъ предъ нимъ, хотя и неискренно, принужденно. Меншиковъ не хотѣлъ знать сокровенныхъ мыслей ихъ, пренебрегалъ внутреннимъ ихъ къ себѣ нерасположеніемъ, видѣлъ ихъ безсиліе, зналъ, что они, по разномыслію и несогласію взаимному, неспособны предпринять что либо рѣшительное

противъ него, и на семъ убѣжденіи онъ основалъ планъ дѣйствій своихъ и надежду вѣрную на успѣхъ во всѣхъ высокихъ, дерзновенныхъ замыслахъ своихъ.

Вскорѣ послѣ кончины Императрицы, Меншиковъ перевелъ Государя-отрока изъ дворца въ свой домъ на Васильевской островъ, переименованный въ это время Преображенскимъ (5). Ввѣривъ его непосредственному попеченію своего семейства, онъ приставилъ къ нему людей надежныхъ, которые издавна были преданы Меншикову и знали всѣ сокровенные замыслы его неограниченнаго честолюбія; между такими особенно извѣстенъ Генералъ-лейтенантъ Алексѣй Волковъ.

Съ сихъ поръ Меншиковъ сдѣлался единственнымъ опекуномъ Петра II (6), и, не по титлу, а по существу, былъ *истиннымъ Регентомъ* Государства. Совѣтъ Администраціи или не собирался во все, или созываемъ былъ только тогда, когда Меншиковъ хотѣлъ изумить своихъ сочленовъ какимъ либо новымъ свидѣтельствомъ своего возвеличенія; такъ 13 Мая, въ полномъ собраніи верховныхъ чиновъ, Петръ II, исполняя тайное желаніе Меншикова, возвелъ его на высочайшую, послѣднюю степень воинской почетности: наименовалъ его Генералиссимусомъ; такъ 25 Мая торжественно предъ лицемъ Совѣта и всего Двора

совершено было Архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ обрученіе Императора съ Княжной Марьей Александровной, которую съ того времени повелѣно поминать въ церквахъ на ектеніяхъ Великою Княжною, нарѣченною невѣстою Императора. При семъ случаѣ ей назначенъ особый штатъ придворный, съ содержаніемъ по 34 т. рублей, штатъ гораздо блистательнѣйшій, нежели для Царевенъ Екатерины Іоанновны и Парасkевіи Іоанновны, изъ коихъ первой опредѣлено было 10, а второй 12 тысячь рублей въ годъ (7).

Во время торжества обрученія Петра II, всѣ Члены семейства Меншикова получили необыкновенные знаки милостей Государя; сестра невѣсты Императора, Княжна Александра, и тетка ихъ Варвара Михайловна Арсеньева, сестра супруги Меншикова, пожалованы были орденомъ Св. Екатерины первой степени, а сынъ его 13-ти лѣтній, Князь Александръ, Оберъ-Камергеромъ и Кавалеромъ ордена Св. Андрея.

Такія почести и такая чудная удача во всѣхъ намѣреніяхъ и желаніяхъ породили въ Меншиковѣ новую мысль, столько же смѣлую, какъ и преступную: онъ хотѣлъ женить своего сына на Великой Княжнѣ, Наталіи Алексѣевнѣ, сестрѣ Императора, и чрезъ то ввести свой родъ въ фамилію Императорскую и по женской, и по мужеской линіи. Увле-

каясь сею мечтою онъ ласкалъ Цесарскаго посла при Дворѣ нашемъ, Графа Рабутина Бусси, и склонилъ его ходатайствовать предъ Императоромъ Карломъ VI о согласіи на его виды. Карлъ VI, дорожа союзомъ съ Россіею, и зная, что Меншиковъ всемощенъ въ дѣлахъ управленія, не только соизволилъ на его предположенія, но даже обѣщалъ положительное содѣйствіе съ своей стороны, и въ доказательство своей искренней пріязни и уваженія къ Меншикову, подарилъ ему Княжество Козельское въ Силезіи. Въ тоже время Меншиковъ велъ переговоры о сочетаніи бракомъ другой своей дочери, Княжны Александры, съ Принцемъ Ангальтъ-Дессау.

Освобожденіе Царицы Евдокіи и Лопухиныхъ.

Посреди сихъ замысловъ и надеждъ обольстительныхъ, Меншиковъ встревоженъ былъ, впрочемъ не надолго, однимъ случаемъ. Въ первые дни царствованія своего, (3 Іюня 1727), Петръ II, и по чувству собственнаго сердца, и по внушеніямъ враговъ Меншикова, даровалъ свободу своей бабкѣ, бывшей Царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ; съ нею вмѣстѣ снова возникъ опальный домъ Лопухиныхъ. Меншиковъ справедливо могъ опасаться, что Лопухины, поддерживаемые Царицею, пріобрѣтутъ сильный вѣсъ у Государя и составятъ новую враждебную для него партію. Дѣйстви-

тельно, появленіе Царицы произвело восторгъ въ однихъ, страхъ въ другихъ, и вообще недоумѣніе во всѣхъ. Приверженцы старины и друзья Лопухиныхъ говорили, что *надлежитъ чрезъ Царицу ожидать милости отъ Бога и Императорскаго Величества*, и что *она милостиво всѣхъ спокоитъ отъ проклятыхъ повредителей* (8): послѣднимъ именемъ величали они всѣхъ защитниковъ новаго порядка вещей и участниковъ въ процессѣ 1718 года; такихъ должно было постигнуть, *по невѣрнымъ ихъ заслугамъ, злое награжденіе.* Подобныя сужденія и толки людскіе, разнесшіеся быстро повсюду, не могли не доходить до Меншикова, не могли не тревожить его; скоро однакоже сообразилъ онъ, что ни Лопухины, ни сама Царица, не могли быть ему страшны.

Знаменитость дома Лопухиныхъ начинается съ супружества Петра I съ Евдокіею Ѳеодоровною; другія двѣ сестры ея, Настасья и Ксенія, были въ замужствѣ за Князьями, Троекуровымъ и Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ; послѣдній былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ Рускихъ Дипломатовъ своего времени, бывъ долгое время нашимъ посломъ во Франціи и Голландіи, и съ достоинствомъ представлявши лице своего Монарха

на многихъ Европейскихъ конгрессахъ. Въ царствованіе Петра Великаго, главою дома Лопухиныхъ, по мужескому колѣну, былъ Аврамъ Ѳедоровичь Лопухинъ, родный братъ Царицы, гордый и невѣжественный, презиравшій иноземцевъ и все иноземное, и до фанатизма пристрастный къ обычаямъ своихъ отцевъ. Гордясь близкимъ родствомъ съ Царемъ, но чуждаясь его по образу мыслей и по отвращенію ко всѣмъ полезнымъ нововведеніямъ, онъ не хотѣлъ принять ни какого званія, ни какой публичной должности въ Государствѣ, и вмѣстѣ съ сестрою - Царицею и съ Княгиней Троекуровой питалъ даже чувство непріязни къ Петру I. Эта непріязнь усилилась со времени опалы Царицы, или по отлученіи ея отъ ложа Царскаго, и по заключеніи въ Суздальскій монастырь. Съ сихъ поръ тайныя козни противъ Великаго Императора были его исключительнымъ занятіемъ, желаніе скорой смерти Петру любимымъ его помысломъ, а чаяніе видѣть на престолѣ Царевича Алексѣя и воскресить старину — самою сладостною его надеждою. Процессъ 1718 года разрушилъ эту надежду: Аврамъ Лопухинъ погибъ ужасною смертію преступника государственнаго; съ нимъ вмѣстѣ потерпѣли и другіе Лопухины, разосланные по разнымъ мѣстамъ, или въ заточеніе, или подъ крѣпкой надзоръ; около пяти лѣтъ послѣ того ни одного Лопухина не было на сценѣ. Сильное покровительство Камергера Монса, снова воз-

становило упадшій домъ; въ 1723 году явился при Дворѣ племянникъ Аврама, Степанъ Васильевичь Лопухинъ, женатый на Натальѣ Балкъ, племянницѣ Монсовой, славной образованностію, ловкостію и особенно своею необыкновенною красотою. Умный и честолюбивый Степанъ Лопухинъ видѣлъ предъ собою счастливую будущность; но казнь Монса и позоръ его тещи, постигшія ихъ въ концѣ 1724 года, опять повергли и его и весь родъ Лопухиныхъ въ новую опалу. При Екатеринѣ I Лопухины не могли возвратить прежней значительности; Императрица справедливо считала ихъ непріязненными къ себѣ; они подозрѣвали ее виновницею погибели Царевича Алексѣя Петровича. Возвращенные Петромъ II, они увидѣли себя царедворцами безъ связей, безъ знанія въ дѣлахъ, безъ вѣрныхъ средствъ къ поддержанію себя; могли ли они отважиться на опасное состязаніе съ Меншиковымъ?

И сама Царица Евдокія, призываемая ко Двору, была бы явленіемъ запоздалымъ при новомъ Дворѣ юнаго внука ея. За 9 лѣтнее величіе въ молодости (1689-1698) она заплатила почти 30 лѣтнимъ несчастіемъ (1698-1727), и въ униженіи, пренебреженная и забытая всѣми, достигла 58 года жизни. Послѣ смерти своего сына она уже не смѣла надѣяться не только радости и

счастія; но даже не ждала никакого облегченія въ горестномъ невольничествѣ своемъ; она считала себя умершею для свѣта; одно чувство сохранилось въ душѣ ея — чувство ненависти къ великому ея супругу, виновнику ея страданій. Вѣсть о воцареніи ея внука воскресила въ ней надежды, призваніе ко Двору осуществило ихъ. Но пребываніе въ Петербургѣ было бы для нее неволею, хуже прежней: новый городъ былъ ей ненавистенъ, какъ созданіе Петра I; въ этой новой столицѣ все было для нее чуждо, все ново, и отъ того противно ей; она спѣшила прямо изъ Шлиссельбурга переселиться въ Москву, гдѣ Петръ II указалъ ей жительство въ Кремлѣ, образовалъ для нее особый Дворъ и опредѣлилъ ей по 60 т. рублей ежегоднаго содержанія. Генералъ-майоръ Иванъ Петровичь Измайловъ наименованъ Гофмейстеромъ Двора Царицы-Бабки.

Козни Князя Меншикова противъ Герцога Голштинскаго и удаленіе сего послѣдняго изъ Россіи.

Рѣшительная воля Евдокіи удалиться въ Москву вполнѣ успокоивала Князя Меншикова со стороны Лопухиныхъ и партіи ихъ. Одинъ Герцогъ Голштинскій и Цесаревна, его супруга, казались ему опасными; они

болѣе всѣхъ имѣли права, и даже обязанности, совмѣстничествовать ему во власти. Любезность Цесаревны Анны привлекала къ ней многихъ почитателей и ревностныхъ приверженцевъ изъ высшаго круга; ежелибъ Герцогъ умѣлъ воспользоваться ихъ расположеніемъ къ себѣ и своей супругѣ, ежелибъ онъ былъ рѣшительнѣе и отважнѣе, то Князь Меншиковъ не достигъ бы исключительнаго преобладанія въ дѣлахъ управленія. Но сила ума и воли всегда торжествуетъ надъ малодушіемъ и робостію.

Князь Меншиковъ, стоя на высотѣ, по его мнѣнію, недоступной врагамъ, началъ открытыя нападенія на Герцога Голштинскаго: насылалъ къ нему отъ имени Императора оскорбительныя повелѣнія, оказывалъ ему въ публичныхъ встрѣчахъ явное неуваженіе, вездѣ давалъ ему чувствовать свое первенство надъ нимъ, и даже отнималъ у него выгоды и права, которыми до того времени пользовался Герцогъ: *вмѣсто всего того, что Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и ея супругу отпускалось изъ кабинета, изъ дворца и изъ другихъ мѣстъ, повелѣно давать*, по смыслу 10 статьи завѣщанія, *по* 100 *т. рублей въ годъ, а островъ* Эзель, который данъ былъ *на столъ Ихъ Высочества, приписать и доходы съ него собирать по прежнему въ Ригѣ, а во владѣніи Ихъ Высочествъ не быть* (9). Это повелѣніе,

объявленное Меншиковымъ отъ имени Государя, было явною несправедливостію, потому что островъ Эзель, по волѣ Екатерины I, отданъ былъ лично Герцогу въ пожизненное его владѣніе всѣми доходами, съ островскихъ маетностей и земель получаемыми, независимо отъ суммъ, жалованныхъ въ разныя времена Его супругѣ, Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Терпѣніе Герцога истощилось; около трехъ мѣсяцевъ, не болѣе, могъ онъ противустоять ожесточенному гоненію временщика, изнемогъ и рѣшился уклониться отъ гоненій, оставить навсегда Россію. Въ концѣ Іюля мѣсяца просилъ онъ Императора о свободномъ выѣздѣ въ Голштинію и объ утвержденіи во всей ненарушимости всѣхъ трактатовъ, съ нимъ заключенныхъ Петромъ Великимъ и Екатериною I. Петръ II, особенною декларацією, подтвердивъ всѣ прежнія съ нимъ обязательства, ручался сверхъ того за себя и своихъ наслѣдниковъ, что владѣющій Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій всегда будетъ титулованъ отъ Россійскаго Правительства Королевскимъ Высочествомъ (10). Герцогъ съ досадою въ душѣ, а супруга его, Цесаревна, съ горестію и слезами, оставили Петербургъ $\frac{25\ \text{Іюля}}{5\ \text{Авг.}}$ и простились съ Россіею на вѣки. Анна Петровна, въ началѣ слѣдующаго 1728 года (Мая $\frac{4}{15}$), скончалась произведши на свѣтъ сына, Карла Петра Ульриха, бывшаго въ послѣдствіи Россійскимъ Императоромъ подъ именемъ Петра III.

Цесаревна Елисавета Петровна, по отбытіи сестры своей, осталась при Дворѣ одинокою, сиротствующею; нарѣченный женихъ ея Герцогъ Голштинскій, Князь Епископъ Любскій, скоро послѣ смерти Екатерины заболѣлъ и $\frac{20\ Іюня}{1\ Іюля}$ скончался. Елисавета оставшись одна, на 18 году своего возраста, во всемъ блескѣ красоты, посреди обольщеній свѣта, не могла безъ руководителей получить ни любви къ дѣламъ государственнымъ, ни желанія господствовать въ Совѣтѣ; уклонялась отъ всякаго участія въ правленіи, отъ того потеряла значеніе въ глазахъ верховныхъ сановниковъ Имперіи, и Меншиковъ не имѣлъ причины крамольничать противъ нее.

Вообще, со времени отъѣзда Герцога Голштинскаго, Князь Меншиковъ началъ вести жизнь менѣе тревожную, считалъ себя безопаснымъ, отъ того менѣе наблюдалъ осторожности въ своихъ поступкахъ, болѣе являлъ безпечности и самоувѣренности, и не подозрѣвалъ, что и по удаленіи Герцога, опасность для него не миновала, что число его враговъ хотя уменьшилось, но злоба и дѣятельность ихъ увеличились. Туча готова была разразиться надъ главою могучаго, погибель его неотвратима, какъ мы увидимъ ниже.

Продолженіе споровъ о наслѣдствѣ Курляндскомъ.

Между тѣмъ Меншиковъ, еще и во время борьбы съ Герцогомъ, не забывалъ дѣлъ правительственныхъ. Считая споръ о наслѣдствѣ Курляндскомъ не разрѣшеннымъ, и желая съ одной стороны остановить произвольныя и мятежническія дѣйствія Курляндцевъ, а съ другой отвратить вмѣшательство Поляковъ въ дѣла сей земли, онъ отправилъ туда корпусъ войскъ Рускихъ подъ начальствомъ Генерала П. П. Ласси, которому въ помощь приданъ былъ Генералъ-майоръ Иванъ Ивановичъ Бибиковъ (11). Еще прежде прибытія Рускихъ въ Курляндію, Графъ Морицъ снова провозглашенъ былъ наслѣднымъ Герцогомъ и вступивъ въ землю Курляндскую съ небольшимъ числомъ воиновъ окопался въ неприступной позиціи на острову одного озера близь Гольдингена. Ласси, желая отвратить кровопролитіе, лично отправился на островъ къ Графу Морицу для переговоровъ, и объявилъ ему, что сопротивленіе напрасно и чтобы онъ безпрекословно оставилъ Курляндію, гдѣ властвовать ему не позволятъ ни Россія, ни Польша. Морицъ, убѣдившись въ невозможности успѣха, выѣхалъ изъ Курляндіи въ одни сутки, вмѣсто четырехсуточнаго срока, предоставленнаго ему Лассіемъ; всѣ сподвижники Морица признаны военно-плѣнными и препровождены въ Ригу со всѣми снарядами, оружіемъ и частнымъ ихъ достояніемъ.

Между тѣмъ Рѣчь - Посполитая Польская снарядила для дѣлъ Курляндскихъ особую коммисію, коей главными членами были Епископъ Вармійскій, Князь Радзивилъ, Графъ Дунинъ и Генералъ Денгофъ. Цѣль сей коммисіи была убѣдить Курляндское дворянство въ томъ, чтобы по смерти Герцога Фердинанда оно рѣшилось сдѣлать свою землю нераздѣльною частію Королевства Польскаго. Переговоры Польскихъ коммисаровъ съ Курляндскими депутатами продолжались до конца 1727 года: Курляндцы отвергли тѣ условія, какія предлагали имъ Поляки, и коммисія закрылась не произведши ничего положительнаго. Причиною этого неуспѣха было преимущественно Руское Правительство, объявившее обѣимъ сторонамъ, что оно никогда не согласится на присоединеніе Курляндіи къ Польшѣ, и что, послѣ смерти Фердинанда, Курляндцы обязаны, на основаніи особенныхъ конвенцій съ Поляками, избрать себѣ владѣтелемъ кого либо изъ Нѣмецкихъ Принцевъ. Съ сихъ поръ Курляндцы оставили дальнѣйшія попытки и были спокойны, тѣмъ болѣе, что Фердинандъ, не смотря на свою и тогда уже глубокую старость, прожилъ еще около 10 лѣтъ.

Правительственная значительность Барона Остермана.

По дѣламъ внутренняго управленія замѣтны были наибольшее движеніе и необыкно-

венная дѣятетьность во всѣхъ тѣхъ частяхъ, кои ввѣрены были особенному наблюденію Барона Остермана: кромѣ прямаго участія въ дѣлахъ дипломатическихъ и завѣдыванія почтовою частію, имъ усовершенствованною, онъ управлялъ еще Коммисіею о коммерціи. Сія Коммисія, учрежденная въ послѣднее время жизни Екатерины I, открыта и приняла дѣйствіе свое уже при Петрѣ II; она составляла какъ бы отдѣленіе Коммерцъ-коллегіи; различіе назначеній той и другой состояло въ томъ, что Коллегія имѣла обязанностію своею управлять торговыми дѣлами и купеческимъ сословіемъ по даннымъ, существующимъ узаконеніямъ, а Коммисія о коммерціи должна была изыскивать лучшіе способы управленія и споспѣшествовать распространенію торговли, усиливать производимость и открывать новые пути къ сбыту отечественныхъ произведеній. Остерманъ начерталъ проектъ тарифа (12), сочинилъ уставъ о расправѣ между купцами при выгрузкѣ и нагрузкѣ товаровъ (13), и правила о браковщикахъ (14), уничтожилъ нѣкоторые сборы и подати, препятствовавшія успѣхамъ торговли (15), старался отвратить вредныя дѣйствія контрбанды или тайнаго провоза запрещенныхъ товаровъ (16), и благопріятствуя торгу иноземцевъ въ Россіи, безъ вреда для туземныхъ торговцевъ, опредѣлилъ отношенія первыхъ къ послѣднимъ и къ правительству.

Предвидя важность торговыхъ нашихъ сношеній съ Востокомъ по Каспійскому морю, онъ поддерживалъ разными льготами и привилегіями существовавшую въ Астрахани торговую Армянскую компанію, извѣстную подъ именемъ Жулфинской. Минихъ, въ самый день воцаренія Петра II пожалованный полнымъ Генераломъ, и Генералъ-лейтенантъ Волковъ, были ревностными сотрудниками Остерману. Первый неутомимо работалъ надъ ископаніемъ Ладожскаго канала, долженствовавшаго со временемъ связать сѣверозападъ Россіи съ внутренними и даже отдаленнѣйшими ея частями, и открыть новые пути коммерческіе; а второй, завѣдывая монетнымъ дѣломъ, былъ частію составителемъ, частію исполнителемъ новыхъ плановъ къ преобразованію монетной системы, дотолѣ весьма несовершенной, и причинявшей помѣшательство въ отправленіяхъ коммерческихъ. Для усиленія быстроты въ ежедневныхъ мѣлкихъ торговыхъ оборотахъ выпущено было на 3.500.000 рублей мѣдной монеты. Дѣланіе мѣдныхъ денегъ производилось частными людьми, и съ 1718 по 1727 годъ отдаваемо было съ публичнаго торгу на подрядъ или на откупъ; въ 1727 году казна сама приняла на себя чеканеніе монеты своимъ иждивеніемъ и своими работниками; но по недостатку знающихъ монетное дѣло чиновниковъ, чеканеніе монетъ казеннымъ коштомъ

*

обошлось правительству гораздо дороже. Серебряная монета дѣлалась въ сіе время по формамъ, установленнымъ Петромъ I; думали дать ей новые образцы, опредѣлить инаковую пробу, но не исполнили предположеній своихъ; только гривенникамъ дана дѣйствительно новая форма, но дѣланіе и сихъ послѣднихъ, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ гривенниковъ Меншикова, пріостановлено и обращеніе ихъ въ народѣ вовсе возбранено (17).

Остерманъ глава партіи, враждебной Меншикову.

Во всѣхъ сихъ правительственныхъ преобразованіяхъ былъ душею или главнымъ споспѣшествователемъ Князь Меншиковъ. Сознавая великія государственныя достоинства Остермана и цѣня въ полной мѣрѣ разнообразныя его познанія, онъ не только не преграждалъ полезной его дѣятельности, но самъ еще указывалъ ему новые пути къ его возвышенію, самъ старался о большемъ расширеніи круга его дѣйствій. Чрезъ посредство Князя Меншикова Остерманъ возведенъ въ званіе Вице-Канцлера, сдѣланъ главнымъ начальникомъ почтъ и Директоромъ Коммисіи о коммерціи; чрезъ него же дано ему Екатериною II лестное порученіе надзирать за воспитаніемъ

Петра Алексѣевича: онъ былъ воспитателемъ и Оберъ-Гофмейстеромъ Императора; слѣдственно, по самому существу сей послѣдней обязанности, необходимо долженъ былъ пользоваться близостію къ Государю и имѣть у него сильный вѣсъ. Меншиковъ оказывалъ Остерману полное довѣріе и не имѣлъ никакого опасенія предъ нимъ; увѣренный въ нелюбви къ себѣ всѣхъ вельможныхъ домовъ, зналъ Меншиковъ и то, что Рускіе бояре ненавидѣли также и Остермана иноземца и съ негодованіемъ переносили его значительность. По сему онъ полагалъ, что эта общая ненависть, на нихъ обоихъ падавшая, тѣмъ тѣснѣе должна связать ихъ союзомъ дружбы, и что Остерманъ неизмѣнно будетъ держаться его стороны, и по чувству признательности за благодѣянія, и по опасенію неизбѣжнаго паденія, безъ покровителя сильнаго. Но Меншиковъ не разгадалъ таинственнаго характера своего лицемѣрнаго кліента; хитрый Остерманъ тяготился унизительнымъ для него покровительствомъ Меншикова, не довольствовался второстепенною ролею, и медленно, скрытно, но тѣмъ вѣрнѣе, шелъ къ цѣли тайныхъ своихъ желаній: къ самостоятельности и къ первенству въ Совѣтѣ. Исподоволь, не замѣтно, образовалъ онъ партію людей, ему преданныхъ, и руководимыхъ одинаковыми съ нимъ выгодами; для того онъ сблизился съ Минихомъ, съ Левенвольдомъ,

съ Лассіемъ, съ Балкомъ, и со всѣми иностранцами, состоявшими въ Руской службѣ, и занимавшими по разнымъ частямъ управленія почетныя должности; для того онъ старался расположить въ свою пользу всѣхъ членовъ Царскаго дома: его уважали Великая Княжна Наталія Алексѣевна и Цесаревна Елисавета; по его внушеніямъ дѣйствовали Царевны Екатерина Іоанновна (Герцогиня Мекленбургская, давно уже не жившая вмѣстѣ съ своимъ супругомъ), и сестра ея Параскевія Іоанновна, и весь родъ Салтыковыхъ; съ нимъ тайно переписывались Анна Іоанновна и ея любимецъ Биронъ; съ нимъ состояли въ близкихъ, хотя и неискреннихъ сношеніяхъ, и Князья Долгорукіе.

Главныя лица, принадлежавшія къ партіи, враждебной Меншикову.

По мѣрѣ того, какъ Меншиковъ чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ и властолюбіемъ своимъ отчуждалъ отъ себя всѣхъ, Остерманъ своею вкрадчивостію, уклончивостію и тонкою политикою, привлекалъ къ себѣ многихъ, несогласныхъ между собою въ частныхъ своихъ видахъ, но единодушно согласовавшихся въ общей главной мысли: свергнуть съ себя тяжелое иго властолюбца. Всѣ поименован-

ныя лица имѣли свои особенныя частныя причины зложелательствовать Меншикову и усильно стремиться къ его низложенію.

Великая Княжна Наталія Алексѣевна, сестра Императора, извѣщенная о горделивыхъ видахъ на нее Меншикова, не скрывала въ юной душѣ своей чувства непріязни къ нему, и справедливо негодовала на него за то, что безъ предварительнаго ея соизволенія и безъ всякаго къ ней отношенія, онъ дерзаетъ располагать ея сердцемъ и будущимъ счастіемъ ея жизни.

Цесаревна Елисавета Петровна не могла доброжелательствовать Меншикову, видя въ немъ виновника слезъ сестры ея, Герцогини Голштинской, и причину тогдашняго одиночества ея самой. При всемъ миролюбіи Елисаветы и добровольномъ уклоненіи ея отъ дѣлъ управленія, ей казалось однакоже обиднымъ открытое невниманіе къ ней Меншикова; онъ не удостоивалъ ее даже и преслѣдованій, ни открытыхъ, ни тайныхъ; столь не опасною и незначительною считалъ онъ ее. Оскорбленное самолюбіе не прощаетъ!

Обѣ сестры, *Екатерина* и *Параскевія Іоанновны*, и при жизни матери ихъ Царицы Параскевіи Ѳеодоровны, и послѣ ея смерти, жили долгое время какъ бы затворницами въ селѣ Измайловѣ подъ Москвою, не рѣдко терпѣли нужду въ приличномъ содержаніи, и никогда не пользовались отъ Двора вниманіемъ, сообразно ихъ высокому рожденію. При

Екатеринѣ I, переселившись на постоянное пребыванie въ новую столицу, онѣ имѣли единственными покровителями своими Семена Андреевича Салтыкова и Ивана Ильича Дмитрiева-Мамонова; первый былъ двоюродный ихъ братъ, а вторый тайный супругъ Царевны Параскеви; но ни тотъ, ни другой, не имѣли довольно значенiя и силы при Дворѣ, и вмѣстѣ съ другими раболѣпствовали предъ Меншиковымъ. При Петрѣ II, обѣ Царевны удостоены особеннаго знака вниманiя къ нимъ Государя: онѣ получили каждая особый штатъ, но въ три раза беднѣе противъ штата невѣсты Императорской; дочь Меншикова поставлена многими степенями выше дочерей Царскихъ. Могли ли Царевны усердствовать Меншикову и любить его искренно? Сверхъ того онѣ видѣли въ немъ совмѣстника сестрѣ своей Аннѣ, Герцогинѣ Курляндской, оспоривавшаго у нее права ея на Курляндiю и возбранявшаго ей вступленie въ бракъ съ Морицемъ, вопреки сердечнымъ ея чувствованiямъ (18).

Анна Iоанновна, время отъ времени посѣщавшая столицу и своихъ сестеръ, имѣла своимъ агентомъ Левенвольда, которому она, для пользъ своего дома, помогла возвыситься, и который, подкрѣпляемый въ С. Петербургѣ Остерманомъ, а въ Митавѣ Бирономъ, дѣйствовалъ смѣло противъ Меншикова по указанiю обоихъ друзей своихъ и Царевенъ.

Левенвольдъ былъ не природный Руской подданный, но завоеванный Лифляндецъ; при Полтавѣ полоненъ капраломъ, сперва токмо картами тѣшился и тѣмъ питался, нынѣ же внедавнѣ Графомъ, Кавалеромъ и Оберъ-Гофмейстеромъ пожалованъ (19). Быстрое возвышеніе Рейнгольда Левенвольда и его брата Карла Густава, сдѣлало ихъ предметомъ зависти и злобы Рускихъ вельможъ; тѣмъ усерднѣе дѣйствовали Левенвольды въ союзѣ съ Остерманомъ, частію по личному нерасположенію къ Меншикову, но еще болѣе съ намѣреніемъ отстранить природныхъ Рускихъ отъ управленія и поставить иностранцевъ въ изключительное обладаніе властію.

Съ тою же цѣлію соединился съ Остерманомъ и *Минихъ*, помнившій непріятности, потерпѣнныя имъ отъ Меншикова еще при Петрѣ I. Чрезъ содѣйствіе Остермана, Минихъ, кромѣ другихъ обязанностей, на немъ лежавшихъ, получилъ новое званіе Военнаго Губернатора С. Петербургскаго (20), и слѣдственно болѣе возможности распоряжаться въ столицѣ сообразно своимъ видамъ.

Этотъ союзъ трехъ иноземцевъ, сильныхъ при Дворѣ и въ дѣлахъ правительственныхъ, былъ началомъ двухъ партій: Руской и иностранной, существовавшихъ отъ 1727 до 1741 года, съ постояннымъ почти перевѣсомъ послѣдней надъ первою, и

первымъ свидѣтельствомъ торжества иностранцевъ надъ Рускими было паденіе Меншикова, пріуготовленное съ глубочайшею обдуманностію въ тишинѣ кабинета Остерманова, и такъ громко совершившееся къ изумленію Россіи и цѣлой Европы.

Мѣры Остермана къ погубленію Князя Меншикова.

Остерманъ, показывая во всѣхъ публичныхъ встрѣчахъ безпредѣльную, раболѣпную преданность Меншикову, и являя себя точнымъ исполнителемъ его воли, втайнѣ дѣлалъ все вопреки ему и согласно съ своими намѣреніями. По званію Государева воспитателя онъ удалилъ отъ Двора Семена Маврина, который *едва Его Императорское Величество не воспиталъ* (21), который находился при Петрѣ II наставникомъ его съ 1719 года. Вмѣстѣ съ Мавринымъ удалены были и другіе Рускіе учители Царскіе, подъ предлогомъ неспособности ихъ къ толь высокому дѣлу; на мѣсто ихъ опредѣленъ былъ иностранецъ Гольдбахъ, подъ главнымъ наблюденіемъ Остермана и, по данной отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта инструкціи (22), занимавшійся и дѣломъ обученія Государя, и присматриваніемъ за всѣми поступками Меншикова предъ лицемъ его.

Меншиковъ, ослѣпленный своими высокими мечтами, и вѣруя въ неизмѣнность своего счастія, не могъ видѣть сѣтей, ему разстав-

ляемыхъ, не могъ понимать сокровенныхъ цѣлей Остермана; безъ всякой недовѣрчивости встрѣчался онъ у Государя каждодневно и съ нимъ и съ Князьями Долгорукими.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, назначенный въ помощь Остерману вторымъ воспитателемъ и Гофмейстеромъ Императора, былъ избранъ въ сіе званіе по указанію Меншикова. Уважая добродѣтели дяди его Князя Якова Ѳедоровича, и помня любовь и дружбу къ себѣ отца его, Князя Григорія Ѳедоровича, бывшаго долго посломъ Царскимъ въ Варшавѣ при Дворѣ Короля Августа, Князь Меншиковъ покровительствовалъ Князю Алексѣю, и, зная его посредственность, не считалъ его опаснымъ; но и въ немъ ошибся онъ также, какъ и въ Остерманѣ. Долгорукой, забывъ добро, ему оказанное Меншиковымъ, помнилъ только обиду, въ лицѣ сына его, ему нанесенную. Сынъ его, 16-ти лѣтній, Князь Иванъ Алексѣевичъ, замѣшанный въ процессѣ Девьера и Толстаго, и удаленный отъ Двора, вскорѣ былъ возвращенъ, представленъ отцемъ Государю, и успѣлъ пріобрѣсть его довѣріе и любовь до такой степени, что Императоръ держалъ молодаго Князя при себѣ почти безотлучно.

Меншиковъ считалъ эту привязанность Петра къ Долгорукому простымъ влеченіемъ молодости, искавшей себѣ, послѣ утомительной бесѣды съ наставниками, пріятнаго разсѣянія въ бесѣдѣ съ сверстникомъ, и не нахо-

дилъ нужнымъ отстранять Долгорукаго отъ сообщества съ Государемъ; юноша, воспитанный въ нѣгѣ и праздности, не имѣвшій ни образованія, ни любви къ дѣламъ, страстный къ однимъ наслажденіямъ, могъ ли казаться способнымъ къ замысламъ политическимъ и быть опаснымъ всемогущему правителю государства? Такъ думалъ въ ослѣпленіи своемъ Меншиковъ!

Остерманъ иначе сообразилъ обстоятельства: молодой Долгорукой казался ему наилучшимъ орудіемъ къ совершенію замышленнаго дѣла; близость Князя къ Государю ручалась ему за успѣхъ несомнѣнный. Долгорукіе, и отецъ, и сынъ, легко увлечены были на сторону Остермана и его сообщниковъ и друзей; въ общемъ совѣтѣ партіи опредѣлено было, чрезъ посредство Князя Ивана внушать Императору, какъ страшенъ для него Меншиковъ, какъ безотчетно и необузданно онъ самовластвуетъ теперь, и какъ послѣ, когда дочь его будетъ на престолѣ, можетъ онъ сдѣлаться еще горделивѣе и смѣлѣе въ своихъ притязаніяхъ, можетъ посягнуть на самую корону. Долгорукой умѣлъ съ юношескою откровенностію передать Петру II опасенія вельможъ, и ловко представилъ оныя не въ видѣ навѣтовъ и клеветы на Меншикова, но въ видѣ вѣрноподданническаго усердія ихъ и заботливости о безопасности обожаемаго ими Государя; сообщая сіи опасенія Долгорукой просилъ Петра не предаваться порывамъ ско-

раго гнѣва, сохранять открытія свои до времени въ тайнѣ, и внимательно наблюдать за поступками Меншикова. Остерманъ и всѣ враги временщика были увѣрены въ томъ, что онъ самъ скоро подастъ на себя оружіе. И дѣйствительно, Императору не долго надобно было притворствовать: Меншиковъ, своимъ самовластіемъ и безразсудною дерзостію, раздражилъ его самымъ чувствительнымъ образомъ и удостовѣрилъ его въ справедливости внушеній Долгорукаго.

Поводъ къ неудовольствію Государя на Князя Меншикова.

Цехъ Петербургскихъ каменьщиковъ поднесъ Государю въ даръ 9.000 червонныхъ. Петръ II, принявъ оные, послалъ ихъ въ подарокъ сестрѣ своей, Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Князь Меншиковъ, встрѣтивъ посланнаго и узнавъ о причинѣ посольства, отобралъ деньги и унесъ ихъ къ себѣ, сказавъ: »Императоръ, по молодости своей, не можетъ сдѣлать надлежащаго употребленія деньгамъ; при первомъ удобномъ случаѣ я скажу ему, на что пригодна будетъ эта сумма.« Петръ, при свиданіи съ сестрою, не слыша отъ нее ни благодарности, ни даже отзыва о подаркѣ, спросилъ ее: Развѣ ей не угоденъ его подарокъ, и услышавъ, что она ничего не получила, изумился, и съ гнѣвомъ потребовалъ къ себѣ послан-

наго. Сей послѣдній донесъ Государю, что Князь Меншиковъ взялъ деньги къ себѣ съ намѣреніемъ указать лучшее для нихъ употребленіе. Петръ, раздраженный этою дерзостію, немедленно призвалъ къ себѣ Меншикова и грозно спросилъ его: какъ онъ осмѣлился запретить посланному исполнить его повелѣніе? Князь Меншиковъ, пораженный сильнымъ гнѣвомъ Государя и еще болѣе необычайнымъ для него грознымъ тономъ, отвѣчалъ въ смущеніи, что казна истощена, Государство нуждается въ деньгахъ, и по тому онъ, по долгу вѣрноподданнаго, хотѣлъ представить Государю о полезнѣйшемъ употребленіи этой суммы; »впрочемъ, присовокупилъ »онъ, ежели Ваше Величество приказать изволите, то я внесу не только эти 9.000 червонныхъ, но готовъ пожертвовать изъ моего »собственнаго достоянія милліонъ рублей.« Государь, еще болѣе разгнѣванный симъ неумѣстнымъ великодушіемъ и обидною для него щедростью подданнаго, топнувъ ногою сказалъ ему: »Я тебя научу помнить, что я Императоръ, »и что ты долженъ мнѣ повиноваться (23)« и немедленно отвернулся отъ него и вышелъ. Меншиковъ послѣдовалъ за нимъ въ смущеніи и страхѣ, и неотступными просьбами умилостивилъ его. Это было только началомъ грозы — она смолкла на время, что бы тѣмъ сильнѣе разразиться надъ нимъ.

Паденіе Князя Меншикова.

Тутъ только спала завѣса съ глазъ Меншикова: всѣ высокія мечты его внезапно разсѣялись; онъ видѣлъ себя вельможею опальнымъ, и не видѣлъ никакихъ средствъ къ отвращенію бѣды; примиреніе съ Императоромъ было и поздно, и невозможно; враги его не допустили бы его до свиданія съ Государемъ; невозможны были также и насильственныя мѣры къ само-сохраненію: Минихъ неусыпно наблюдалъ за спокойствіемъ столицы; по его распоряженію, Ингерманландскій полкъ, котораго Меншиковъ былъ, и основателемъ, и шефомъ, выведенъ былъ изъ Петербурга на загородныя квартиры и не могъ служить подпорою любимому начальнику своему. Впрочемъ, къ чести Меншикова достовѣрно сказать можно, что мысль объ открытомъ возстаніи противъ своего Монарха ни на минуту не приходила ему въ голову. Съ терпѣніемъ покорился онъ судьбѣ, не ждалъ ничего отраднаго, но вовсе не предполагалъ, что бы развязка этой печальной драмы была для него такъ ужасна!

Императоръ прибылъ въ С. Петербургъ 7 Сентября, и расположился на постоянное пребываніе въ Лѣтнемъ дворцѣ, повелѣвъ *приставить къ оному пристойной караулъ* (26). На другой день состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ именный указъ, которымъ

сказалъ онъ послѣднюю волю свою своимъ дѣтямъ, а во второмъ сообщалъ, въ видѣ совѣтовъ, превосходныя правила въ руководство юному Императору; сіи два акта должны быть сохранены въ Исторіи, во свидѣтельство того, что Князь Меншиковъ, и стоя при вратахъ гроба, пребылъ неизмѣнно тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ во все теченіе славной жизни своей: великимъ человѣкомъ государственнымъ, истиннымъ патріотомъ, и необузданнымъ честолюбцемъ.

По смыслу *семейной духовной* Меншиковъ поручаетъ своей супругѣ, *свѣтлѣйшей Княгинѣ* Дарьѣ Михайловнѣ, и своячинѣ Варварѣ Михайловнѣ, содержать домъ его до совершеннаго возраста дѣтей и *родительски* пещись о ихъ воспитаніи; заповѣдуетъ дѣтямъ, имѣть любовь, почтеніе и повиновеніе къ матери и теткѣ; назначаетъ сына своего Князя Александра наслѣдникомъ всего дома, наказывая ему учиться съ прилежаніемъ *страху Божію, надлежащимъ наукамъ и всѣмъ честнымъ поступкамъ, а болѣе всего имѣть вѣрность и горячую любовь* къ Государю и отечеству, представляя ему при этомъ себя въ примѣръ, какимъ образомъ онъ отъ самыхъ младенческихъ лѣтъ принятъ былъ въ милость Петра Великаго, *и своею вѣрностію и извѣстною всему свѣту ревностію* превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ въ довѣріи у Государя. Въ заключеніе духовной своей онъ приказываетъ заплатить долги свои

и просить прощенія у всѣхъ, кого неправо обидѣлъ.

Въ *государственной духовной* онъ проситъ Императора: 1) до пришествія въ совершеннолѣтіе поступать по завѣщанію Государыни бабки, быть послушнымъ Оберъ-гофмейстеру Барону Остерману и Министрамъ, и ничего не дѣлать безъ ихъ совѣта; 2) остерегаться клеветниковъ и наговаривающихъ тайнымъ образомъ и сказывать о нихъ Министрамъ, дабы предостеречь себя отъ многихъ бѣдствій, которыя отъ того происходятъ, и кои предки Его Величества претерпѣли; 3) беречь свое здоровье, и для того въ ѣздѣ и въ прочихъ забавахъ поступать умѣренно и осторожно; отъ здравія Государя зависитъ благополучіе отечества; и наконецъ 4) совѣтуетъ Императору во всемъ такъ управлять собою, что бы всѣ поступки и подвиги его соотвѣтствовали достоинству Императорскому, *а до сего инако дойти невозможно, какъ чрезъ ученіе и наставленіе и чрезъ помощь вѣрныхъ совѣтниковъ.* Въ заключеніе Князь Меншиковъ напоминаетъ Государю, какое попеченіе имѣлъ онъ о его воспитаніи, и какимъ *отчаяннымъ образомъ* служилъ ему въ воспріятіи престола, и проситъ имѣть въ памяти вѣрную службу его и содержать въ милости остающуюся послѣ него фамилію, также быть милостиву къ обрученной невѣстѣ, дочери его, и по учиненному предъ

Богомъ обѣщанію *въ подобное время* вступить съ нею въ законное супружество.

Кромѣ сихъ двухъ актовъ Меншиковъ изготовилъ въ тоже время письма къ шести почетнѣйшимъ лицамъ, на доброе расположеніе коихъ онъ полагался; особливыми письмами, адресованными на имя Барона Остермана, Графовъ Апраксина и Головкина, Князей М. М. и Д. М. Голицыныхъ, и Генералъ-лейтенанта Волкова, просилъ онъ ихъ, въ случаѣ его смерти, содержать жену, дѣтей и весь домъ его въ особенной милости и покровительствѣ.

Князь Меншиковъ, отчаяваясь въ своемъ выздоровленіи, составилъ оба завѣщанія и написалъ всѣ письма; но получивъ вскорѣ облегченіе отъ болезни оставилъ ихъ неподписанными. Они сохранились въ томъ видѣ для потомства (24).

Новый поводъ къ гнѣву и непріязни Государя на Князя Меншикова.

Во время болезни Князя Меншикова, Императоръ со всемъ Дворомъ своимъ переѣхалъ въ Петергофъ; враждебной партіи свободнѣе было тамъ дѣйствовать на легковѣрнаго Государя. По неизъяснимому самозабвенію, Меншиковъ, совершенно выздоровѣвши, отправился прямо въ любимый свой загородный дворецъ Ораніенбаумъ, гдѣ окончана была строеніемъ заложенная имъ домовая цер-

ковъ. Вмѣсто того, чтобы представиться Императору послѣ своей болезни и лично просить его къ себѣ въ Ораніенбаумъ на церемонію освященія храма, онъ послалъ приглашеніе съ нарочнымъ. Петръ, справедливо считая такой неуважительный поступокъ новою дерзостію властолюбца, отрекся отъ приглашенія подъ предлогомъ нездоровья. Казалось, неотвратимая судьба влекла Меншикова къ погибели; ничто не могло вывести его изъ его безпечности и самоувѣренности; онъ переходилъ отъ одной ошибки къ другой. Во время совершенія обряда освященія храма, Меншиковъ занялъ мѣсто, уготованное въ церкви въ видѣ трона для Императора; враги его донесли о томъ Государю, перетолковавъ сію безразсудность обнаруженіемъ его порывовъ къ самодержавствованію. Это рѣшило окончательно его погибель.

Вскорѣ по освященіи храма Меншиковъ поѣхалъ въ Петергофъ; но тамъ не нашелъ Императора, который, предвидя его прибытіе, съ намѣреніемъ оттуда удалился, чтобы избѣгнуть свиданія, котораго такъ боялись противники Меншикова; они все еще не смѣли довѣрять ни твердости Государя, ни собственнымъ силамъ, все еще страшились одного появленія могущественнаго правителя, думая, что одно слово его можетъ разрушить всѣ ихъ замыслы. Меншиковъ остался въ Петергофѣ, и на другой день, тщетно ожидавши возвращенія Государя съ охоты, рѣшился ѣхать

въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ видѣлся съ Остерманомъ, и грозно укорялъ его за небрежный надзоръ за Государемъ и за потворственное позволенiе ему отлучаться на охоту на столь продолжительное время. Остерманъ уже не по прежнему раболѣпствовалъ предъ нимъ, и безъ страха, съ спокойнымъ молчанiемъ выслушалъ его упреки; это нѣсколько поколебало и образумило Меншикова; онъ ускорилъ отъѣздъ въ столицу, полагая найти тамъ болѣе для себя безопасности. По прибытiи въ Петербургъ, онъ велъ себя по прежнему: являлся повсюду тѣмъ же грознымъ и полновластнымъ повелителемъ, осматривалъ правительственныя мѣста и раздавалъ повелѣнiя. Ожидая скораго прибытiя Государя въ столицу и бывъ въ увѣренности, что Онъ по прежнему будетъ имѣть свое пребыванiе въ его домѣ, онъ дѣлалъ нужныя приготовленiя къ его прiему. Въ сихъ приготовленiяхъ засталъ его Генералъ-лейтенантъ Семенъ Андреевичь Салтыковъ (25), присланный 6 Сентября къ нему отъ Императора съ повелѣнiемъ, забрать всѣ вещи Государевы изъ его дома и перевести ихъ въ Императорскiй Лѣтнiй дворецъ; въ тоже время возвращены были Меншикову всѣ уборы, мебели и вещи, принадлежавшiя его сыну, который, какъ Оберъ-камергеръ, по званiю своему, долженъ былъ находиться всегда при лицѣ Государя.

Паденіе Князя Меншикова.

Тутъ только спала завѣса съ глазъ Меншикова: всѣ высокія мечты его внезапно разсѣялись; онъ видѣлъ себя вельможею опальнымъ, и не видѣлъ никакихъ средствъ къ отвращенію бѣды; примиреніе съ Императоромъ было и поздно, и невозможно; враги его не допустили бы его до свиданія съ Государемъ; невозможны были также и насильственныя мѣры къ само-сохраненію: Минихъ неусыпно наблюдалъ за спокойствіемъ столицы; по его распоряженію, Ингерманландскій полкъ, котораго Меншиковъ былъ, и основателемъ, и шефомъ, выведенъ былъ изъ Петербурга на загородныя квартиры и не могъ служить подпорою любимому начальнику своему. Впрочемъ, къ чести Меншикова достовѣрно сказать можно, что мысль объ открытомъ возстаніи противъ своего Монарха ни на минуту не приходила ему въ голову. Съ терпѣніемъ покорился онъ судьбѣ, не ждалъ ничего отраднаго, но вовсе не предполагалъ, что бы развязка этой печальной драмы была для него такъ ужасна!

Императоръ прибылъ въ С. Петербургъ 7 Сентября, и расположился на постоянное пребываніе въ Лѣтнемъ дворцѣ, повелѣвъ *приставить къ оному пристойной караулъ* (26). На другой день состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ именный указъ, которымъ

повелѣвалось признавать дѣйствительными тѣ только постановленія и указы, которые будутъ подписаны собственноручно Государемъ и членами Совѣта, и строжайше запрещалось *слушать и исполнять указы и письма, которыя отъ Князя Меншикова или отъ кого иного партикулярно писаны и отправлены будутъ* (27). Въ тотъ же самый день Петръ послалъ Салтыкова къ Меншикову объявить ему арестъ и отлученіе отъ всѣхъ дѣлъ.

Княгиня Меншикова, устрашенная опалою своего супруга, отправляется со всѣми дѣтьми своими во Дворецъ пасть къ стопамъ Государя и умолять его о помилованіи; но вскорѣ возвращается безъ всякаго успѣха, съ отчаяніемъ въ душѣ: она не была допущена къ нему (28). Меншиковъ употребилъ еще средство послѣднее, написалъ Императору письмо, въ которомъ просилъ его, *да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ* его; - умолялъ его отпустить ему преступленія невольныя, по невѣдѣнію и безнамѣренно имъ учиненныя; представлялъ ему, что прямыя его намѣренія всегда клонились къ пользѣ общей и славѣ Государя и отечества, и испрашивалъ у него послѣдней милости, уволить его, за старостію и болѣзнями, вовсе отъ службы. Въ тоже время написалъ онъ и отправилъ другое письмо къ Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, прося ея предстательства предъ трономъ. Но и это средство осталось безъ вся-

каго дѣйствія; враги его перехватили письма и не дали дойти имъ по назначенію ихъ.

Сентября 9 повелѣно снять съ Меншикова всѣ чины и ордена и отправить его на безвыѣздное житье въ Ораніенбургъ, имъ построенный и укрѣпленный, и ему принадлежавшій городъ (въ Рязанской нынѣшней губерніи), гдѣ онъ долженъ былъ состоять подъ надзоромъ офицера и цѣлаго капральства солдатъ; однакожъ все огромное имѣніе его оставлено за нимъ по прежнему. Меншиковъ съ покорностію выслушалъ приговоръ, утѣшаясь надеждою, что онъ, праведно наказанный за свое высокомѣріе, можетъ еще найти счастіе болѣе прочное и постоянное въ кругу своего семейства, и въ довольствѣ и покоѣ провести остатки дней своихъ въ уединенной Придонской равнинѣ, въ малолюдномъ тогда уголкѣ великой Имперіи, на которую доселѣ имѣлъ онъ такое мощное вліяніе. Выѣздъ Меншикова изъ столицы уподоблялся добровольному отшествію богатаго и заслуженнаго вельможи, который послѣ многолѣтнихъ трудовъ государственныхъ намѣренъ окончить жизнь свою вдали отъ шума и блеска Двора, внѣ тревогъ большаго свѣта и безъ страха враговъ и завистниковъ; онъ выѣхалъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, сопутствуемый блестящею прислугою и сопровождаемый многочисленными обозами съ драгоцѣнною движимостію, выбранною изъ великолѣпныхъ палатъ его. Его супруга и дѣти сохранили ор-

дена, имъ пожалованные; только Княжна Марья Александровна должна была возвратить Императору обручальное кольце свое, стоившее около 20 т. рублей.

Паденіе Меншикова было не только торжествомъ для его противниковъ и враговъ, но даже причиною общаго, народнаго веселія: всемогущество и единовластіе его давно уже бременило всѣхъ. *Прейде и погибе суетная слава прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ всесильною десницею сокрушилъ; о томъ множеія радости исполнены всѣ, также и азъ многогрѣшный славя Святую Троицу пребываю безъ всякаго страха* (29); *у насъ за помощію Божіею все благополучно суть и такихъ страховъ нынѣ ни отъ кого нѣтъ, какъ были въ бытность Князя Меншикова* (30). Вотъ, что писалъ Егоръ Пашковъ, членъ Военной Коллегіи, къ другу своему Ивану Черкасову, спустя нѣсколько дней послѣ паденія Меншикова: слова примѣчательныя особенно по тому, что они были отголоскомъ общаго мнѣнія объ этомъ важномъ событіи.

Доселѣ всѣ дѣйствія правительства въ отношеніи къ Меншикову имѣли видъ справедливости и законности; оно было и въ правѣ и въ обязанности положить преграду необузданнымъ порывамъ властолюбца, могшаго посягнуть на права, одному законному Самодержцу принадлежащія, и потому казавшагося грознымъ для личной безопасности Государя. Отлученіемъ отъ дѣлъ правительствен-

ныхъ и удаленіемъ изъ столицы Меншиковъ лишенъ и значенія и силы. Враги его могли бы стяжать себѣ почетное имя вѣрныхъ хранителей своего Государя и ревностныхъ блюстителей пользъ отечества, ежели бы умѣли остановиться на чертѣ суда строгаго, но безпристрастнаго.

Скоро оказалось однакожь, что не безкорыстное чувство любви къ отечеству и преданности къ Государю, а сильныя страсти, ненависть и злоба, управляли Остерманомъ, Долгорукими и ихъ сообщниками при низложеніи Меншикова; съ отъѣзда его изъ Петербурга всѣ дѣйствія ихъ противъ него имѣютъ уже видъ жестокаго гоненія и преслѣдованія, не вынуждаемаго ни степенію преступленія, ни закономъ государственной безопасности.

По прибытіи Меншикова въ Тверь объявлено ему, что все имѣніе его повелѣно опечатать, а для него, впредь до рѣшенія, оставить только самое необходимое. Въ слѣдствіе того богатые его экипажи отобраны; онъ съ семействомъ пересаженъ въ телѣги и отправленъ въ дальнѣйшій путь съ удвоеннымъ карауломъ и подъ надзоромъ строже прежняго. Это было только началомъ несправедливостей: онѣ быстро слѣдовали одна за другою, и одна жесточае другой; надъ Меншиковымъ, уже осужденнымъ и наказаннымъ, снаряжена слѣдственная коммисія, коей главою наименованъ Остерманъ, врагъ и судія обвиняемаго;

заранѣе можно было предвидѣть окончаніе слѣдствія. Слѣдователи обвиняли Меншикова: 1) Въ несчастіи Царевича, отца Государева. Но самъ Алексѣй Петровичъ, во время своихъ допросовъ, постоянно оправдывалъ Меншикова во всемъ, и не любя его въ душѣ, торжественно утверждалъ, что Меншиковъ невиненъ въ его испорченности и въ преступленіяхъ предъ Государемъ и Россіею (31); а можно ли было винить Меншикова въ томъ, что онъ былъ въ числѣ судей Царевича; въ семъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ другими былъ только исполнителемъ воли своего Монарха. Это обвиненіе есть оскорбленіе памяти Великаго Петра. 2) Въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шведскимъ сенатомъ ко вреду Герцога Голштинскаго — никакихъ уликъ, ни писемъ, ни оффиціальныхъ свидѣтельствъ не было представлено; вѣроятно, это обвиненіе взведено было друзьями или приверженцами Герцога и Анны Петровны. 3) Въ присвоеніи себѣ 60.000 рублей изъ суммъ, Герцогу принадлежащихъ, и въ разныхъ похищеніяхъ Государственнаго достоянія. 4) Въ погубленіи многихъ почетныхъ правительственныхъ лицъ, въ безвинномъ отнятіи у нихъ и чести и имѣнія. 5) Въ стремленіи упрочить права самодержавія въ своей фамиліи чрезъ женитьбу Императора на его дочери и чрезъ замужство Великой Княжны Наталіи за его сына, и 6) въ намѣреніи подкупить войско и преклонить его на свою сторону.

Послѣднее обвиненіе очевидно нелѣпо. Конецъ политическаго поприща Меншикова ознаменованъ непостижимою безпечностію и самоувѣренностію; онъ не только не замышлялъ вновь ничего преступнаго, но казалось пренебрегалъ своею личною безопасностію. И при томъ справедливо ли было дѣлать все это предметомъ новаго обвиненія? Онъ уже лишенъ власти и наказанъ снятіемъ съ него всѣхъ достоинствъ и высокихъ почестей. Надлежало или судить его прежде удаленія изъ столицы, или разжаловавши и удаливши въ ссылку безъ суда, не начинать уже никакихъ дальнѣйшихъ розысковъ и не учреждать слѣдственной коммиссіи. Но дѣло шло не о законности; торжествующіе враги не довольствовались удаленіемъ и униженіемъ Меншикова; они хотѣли повергнуть его въ первобытное его нищенство — и успѣли въ томъ: все его огромное достояніе описано было на Государя.

По донесенію Коммиссіи, имѣніе Князя Меншикова, кромѣ городовъ и деревень, ему принадлежавшихъ по жалованнымъ грамматамъ Петра I и Екатерины I, состояло въ слѣдующемъ: 1) 9 миліоновъ рублей въ банковыхъ билетахъ Лондонскаго и Амстердамскаго банковъ и въ другихъ заемныхъ актахъ; 2) 4 м. рублей наличныхъ денегъ; 3) брилліянтовъ и разныхъ драгоцѣнностей на сумму свыше милліона рублей; 4) 45 фунтовъ золота въ слиткахъ и 60 фунтовъ въ разныхъ сосудахъ и

утваряхъ, и множество серебра въ посудѣ, и между прочимъ три серебряные столовые прибора, каждый изъ 24 дюжинъ тарелокъ; одинъ изъ сихъ приборовъ работанъ въ Лондонѣ, другой въ Аугсбургѣ, а третій въ Гамбургѣ, и 5) въ великомъ множествѣ дорогой мебели, Коммиссіею не оцѣненной.

Драгоцѣнности, золото и серебро, препровождены были ко Двору Императорскому, деньги въ государственную казну, а изъ деревень нѣкоторыя розданы Нарышкинымъ, Толстымъ и другимъ фамиліямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ Меншикова (32).

Перемѣны въ составѣ государственнаго управленія и при Дворѣ.

По паденіи Меншикова, въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ, Россія была въ опасности низойти на прежнюю степень нестроенія, погрузиться опять въ тотъ же мракъ, изъ котораго могучій геній Великаго Петра могъ исторгнуть ее многолѣтними усиліями. Доколѣ Меншиковъ высился надъ всѣми одинъ, и всѣмъ равно былъ грозенъ, никто не думалъ и не дѣйствовалъ самобытно для себя; всѣ, затаивши глубоко въ душахъ свои страсти, желали одного и стремились къ одной цѣли, къ погибели ненавистнаго имъ человѣка; цѣль достигнута — онъ палъ, и затаенныя страсти обнаружились

тѣмъ сильнѣе; вмѣсто одного падшаго явилось много дѣйствователей новыхъ, и на сценѣ Дворской, и въ совѣтахъ правительственныхъ; не многіе думали о благѣ общемъ; большая часть царедворцевъ и сановниковъ искали выгодъ для себя и для своей партіи. Яснѣе откроется состояніе дѣлъ, когда мы разсмотримъ отдѣльно и составъ государственнаго управленія, и составъ Двора Государева.

1. *Составъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ.*

По паденіи Меншикова, Совѣтъ Администраціи или Регентства закрылся навсегда; Императоръ изъявилъ волю подписывать всѣ правительственные акты и бумаги самъ собственноручно, и чрезъ то объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, хотѣлъ каждый разъ присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, участвовать въ совѣщаніяхъ и вникать въ дѣла управленія; но это было временнымъ порывомъ нетвердой воли, слѣдствіемъ внушеній чуждыхъ. Петръ не могъ еще выполнять съ успѣхомъ ученическихъ задачь по программѣ, составленной Остерманомъ; тѣмъ менѣе могъ онъ разрѣшать высокія задачи царственныя. Не прошло и мѣсяца послѣ изгнанія Меншикова, какъ повелѣно было всѣ указы, изходящіе изъ Верховнаго Совѣта за под-

заранѣе можно было предвидѣть окончаніе слѣдствія. Слѣдователи обвиняли Меншикова: 1) Въ несчастіи Царевича, отца Государева. Но самъ Алексѣй Петровичъ, во время своихъ допросовъ, постоянно оправдывалъ Меншикова во всемъ, и не любя его въ душѣ, торжественно утверждалъ, что Меншиковъ невиненъ въ его испорченности и въ преступленіяхъ предъ Государемъ и Россіею (31); а можно ли было винить Меншикова въ томъ, что онъ былъ въ числѣ судей Царевича; въ семъ случаѣ онъ вмѣстѣ съ другими былъ только исполнителемъ воли своего Монарха. Это обвиненіе есть оскорбленіе памяти Великаго Петра. 2) Въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шведскимъ сенатомъ ко вреду Герцога Голштинскаго — никакихъ уликъ, ни писемъ, ни оффиціальныхъ свидѣтельствъ не было представлено; вѣроятно, это обвиненіе взведено было друзьями или приверженцами Герцога и Анны Петровны. 3) Въ присвоеніи себѣ 60.000 рублей изъ суммъ, Герцогу принадлежащихъ, и въ разныхъ похищеніяхъ Государственнаго достоянія. 4) Въ погубленіи многихъ почетныхъ правительственныхъ лицъ, въ безвинномъ отнятіи у нихъ и чести и имѣнія. 5) Въ стремленіи упрочить права самодержавія въ своей фамиліи чрезъ женитьбу Императора на его дочери и чрезъ замужство Великой Княжны Наталіи за его сына, и 6) въ намѣреніи подкупить войско и преклонить его на свою сторону.

нему, Графъ Өедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, Графъ Гаврило Ивановичь Головкинъ, Баронъ Андрей Ивановичь Остерманъ, Князь Д. М. Голицынъ и сверхъ того вновь пожалованные Петромъ II, Князь В. Л. Долгорукій и Князь А. Г. Долгорукій; между сими шестью членами образовались три особенныя партіи: Остермановская, Голицынская и Долгоруковская.

Остерманъ, по великому уму своему, по разнообразнѣйшимъ практическимъ познаніямъ почти во всѣхъ отросляхъ управленія, и по неутомимой дѣятельности, могъ бы быть душею Совѣта и наилучшимъ руководителемъ Государя юнаго и неопытнаго, если бы ему удалось подчинить своихъ сочленовъ исключительному своему вліянію и сдѣлаться единственнымъ дѣйствователемъ. Послѣ Меншикова онъ остался несомнѣнно знаменитѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ въ Россіи; никто, кромѣ его, не могъ съ большимъ правомъ и съ равнымъ достоинствомъ, носить званіе перваго слуги или Министра Государева; онъ искренно желалъ славы и прочнаго блага землѣ, его усыновившей, и лучше, яснѣе всѣхъ тогдашнихъ природныхъ Русскихъ бояръ понималъ, въ чемъ состояли благо народа и слава Монарха. Онъ былъ истинною причиною паденія Меншикова; казалось, онъ и будетъ преемникомъ его правъ и власти; по видимому, все обѣщало ему успѣхъ въ стремленіи его къ первенству и

господству исключительному: онъ былъ воспитатель Царя, на его сторонѣ были всѣ члены Царскаго дома, ему преданъ былъ весь родъ Стрѣшневыхъ, уважаемыхъ въ России по близкому родству ихъ съ Государемъ (34), къ его партіи принадлежали всѣ иностранцы, занимавшіе важныя должности при Дворѣ, въ арміи и въ Коллегіяхъ. И не смотря на все это, Остерманъ не достигъ своей цѣли; званіе иностранца лишало его довѣренности и любви народной, его чрезмѣрная скрытность, притворство и двусмысленность въ словахъ и поступкахъ, возбуждали опасенія въ сановникахъ, а необыкновенныя его способности порождали чувства зависти или ненависти въ товарищахъ его. Сильнѣйшими и ожесточеннѣйшими его врагами были Голицыны и Долгорукіе, и если бы они дѣйствовали противъ него дружно, то Остерманъ погибъ бы неизбѣжно. Но партіи Голицынская и Долгоруковская, согласныя между собою только въ одномъ: въ ненависти къ Остерману, были во всемъ прочемъ враждебны одна другой. Эта взаимная непріязнь враговъ Остермана спасла его; онъ не пріобрѣлъ исключительной власти, но остался при дѣлахъ, и не взирая на всѣ преграды, ему противопоставляемыя, и на всѣ козни его противниковъ, онъ прибавилъ много заслугъ и славы для себя, и совершилъ много полезнаго для Россіи. Въ послѣдніе два года царствованія Петра II, смуты Дворскія и тревожное, без-

умное честолюбіе Князей Долгорукихъ, грозили Россіи остановить начатое ею движеніе на поприщѣ гражданскихъ улучшеній; одинъ только Остерманъ продолжалъ вести ее, чрезъ всѣ преграды, по пути, указанному Великимъ Петромъ.

Долгорукіе составляли тогда сильнѣйшую боярскую фамилію, и по числу членовъ, и по важности должностей, ими занимаемыхъ, какъ въ гражданской, такъ въ военной и придворной службѣ. Три линіи Долгорукихъ были тогда на сценѣ: 1) Князья Василій и Михаилъ Владимировичи, 2) Князь Василій Лукичь и 3) Князья Алексѣй, Иванъ, Сергій, Александръ и Николай Григорьевичи.

Князь Василій Владимировичь Долгорукій, уже и при Петрѣ Великомъ стоявшій высоко на чредѣ воинской, поставленный Екатериною I, на мѣсто Генерала Михайла Афанасьевича Матюшкина, главнымъ начальникомъ войскъ въ странахъ Закавказскихъ, и возведенный Петромъ II въ достоинство Фельдмаршала, пользовался общимъ уваженіемъ за свои заслуги, за благородную прямоту и безстрашіе предъ трономъ; онъ болѣе всѣхъ современныхъ ему соименниковъ умѣлъ поддерживать славу своихъ предковъ и знаменитость фамиліи своей. Князь Михаилъ Владимировичь не имѣлъ ни заслугъ, ни нравственныхъ достоинствъ своего брата, но былъ не безъ вѣса и силы въ правительствѣ, какъ по огромному богатству своему и обширнымъ связямъ при Дворѣ,

такъ и по званію Тайнаго Совѣтника и Сенатора.

Князь Василій Лукичь Долгорукій, образованнѣйшій Рускій вельможа своего времени, около 20 лѣтъ съ честію проходившій дипломатическое поприще, знакомый съ тайнами важнѣйшихъ кабинетовъ Европейскихъ, возведенъ былъ Петромъ II въ званіе члена Верховнаго Совѣта, и чрезъ то могъ пріобрѣсти столько вѣса и уваженія по дѣламъ управленія гражданскаго, сколько имѣлъ Князь Василій Владимировичь по управленію военному. Но по излишней уклончивости и гибкости своей, по измѣнчивости характера и правилъ, и по корыстности, не рѣдко преступной въ дѣйствіяхъ своихъ, онъ лишился уваженія сочленовъ, и былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ Остермана, а болѣе, своего родственника, Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, не смотря на то, что сей послѣдній былъ гораздо ниже его и по уму, и по знаніямъ въ государственныхъ дѣлахъ.

Главою третей линіи Князей Долгорукихъ былъ Князь Алексѣй Григорьевичь, человѣкъ безъ образованія, безъ способностей, съ ожесточенною ненавистію къ иноземному и къ иноземцамъ, безъ всякихъ личныхъ заслугъ, но гордый заслугами отца и дяди, высокомѣрный и суетный, не терпѣвшій высшихъ, даже равныхъ, желавшій первенствовать и достигшій первенства и силы происками своими и безсиліемъ Монарха. Званіе

втораго воспитателя Государева давало ему право мѣшаться во всѣ распоряженія Остермана, прекословить во всемъ, что не согласовалось съ личными выгодами его и находиться во всякое время при лицѣ Государя; это послѣднее обстоятельство гораздо болѣе способствовало его усиленію и значительности, нежели званіе Члена Верховнаго Совѣта, куда онъ безъ заслугъ былъ посаженъ. Онъ, можно сказать, сторожилъ за каждымъ шагомъ, подслушивалъ каждое слово Императора; братья его, Князья Иванъ и Сергій Григорьевичи, Камергеры Двора, были зоркими соглядатаями всего, происходившаго внѣ палатъ Государевыхъ; но самымъ ловкимъ и вѣрнымъ споспѣшникомъ Князя Алексѣя былъ сынъ его Князь Иванъ Алексѣевичь, доказавшій уже свою смышленость въ дѣлѣ низложенія Князя Меншикова. Бывъ почти сверстникомъ Государю, онъ дѣлилъ съ нимъ часы досужіе, участвовалъ во всѣхъ его забавахъ, вымышлялъ для него новыя потѣхи, и своею угодливостію и рѣзвою любезностію овладѣлъ совершенно душею Императора и сдѣлался для него необходимымъ до такой степени, что не могъ отлучаться отъ него ни днемъ, ни ночью. Любя сына, Императоръ являлъ себя необыкновенно милостивымъ и къ отцу; спустя одинъ мѣсяцъ по удаленіи Меншикова, Князь Алексѣй Долгорукій, украшенъ уже былъ орденомъ Св. Андрея и сталъ на ряду съ первѣйшими чи-

нами Имперіи. Вскорѣ его могущество возрасло до того, что онъ въ состояніи былъ низвергнуть Остермана. Нѣкоторое время сія мысль сильно занимала его, но онъ не рѣшился приступить къ исполненію: Баронъ Петръ Павловичь Шафировъ, могшій одинъ съ честію заступить мѣсто Вице-Канцлера и Воспитателя Государева, казался ему опаснымъ не менѣе Остермана; столько же умный и хитрый, онъ былъ болѣе его любимъ Рускими; не смотря на близкое родство Шафирова съ Долгорукими (35), онъ не былъ никогда ими допущенъ ни къ важнымъ дѣламъ государственнымъ, ни близко къ особѣ Государя. Впрочемъ важнѣйшею причиною щадливости Долгорукихъ къ Остерману было опасеніе, которое они питали къ Князьямъ Голицынымъ, роду сильному и имъ непріязненному. Князь Алексѣй Долгорукій надѣялся сблизиться съ Остерманомъ, подчинить его своему вліянію, противопоставить его Голицынымъ и чрезъ него оборониться отъ гордыхъ совмѣстниковъ.

Партія *Голицыныхъ* справедливо возбуждала опасенія и страхъ въ Долгорукихъ; Голицыны были сильны своими заслугами, умомъ, родственными связями съ знатнѣйшими фамиліями и большимъ числомъ приверженцевъ и почитателей. Три брата Голицыны, неравные заслугами и нравственными качествами, но равно не расположенные къ Остерману и Долгорукимъ, стремились къ преобладанію и

[illegible]

къ стяжанію исключительной власти надъ Государемъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, болѣе 20 лѣтъ сряду видѣвшій себя на первыхъ степеняхъ управленія, дѣятельно и благоразумно управлявшій югозападными предѣлами Россіи въ званіи Кіевскаго Генералъ-Губернатора, исполнявшій разныя дипломатическія порученія, всегда къ удовольствію Великаго Петра, присутствовавшій въ ближней Его канцеляріи, и потомъ Членомъ въ Верховномъ Совѣтѣ со времени учрежденія онаго, былъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ, съ правилами неизмѣняемыми, съ умомъ свѣтлымъ отъ природы, и съ обширными познаніями, которыя были плодомъ многолѣтняго служенія и опытности болѣе, нежели образованія. Вспоминая заслуги своихъ предковъ и страданія, претерпѣнныя нѣкоторыми изъ нихъ отъ нашествія иностранцевъ и отъ нововведеній, соображая неудачи, испытанныя Петромъ Великимъ отъ неразумія или невѣрности вождей иноземныхъ: Круа, Огильви, Гольца и т. д. и постоянные успѣхи и счастіе съ тѣхъ поръ, какъ ближайшими сподвижниками и сотрудниками преобразователя были природные Русскіе, онъ убѣдился въ томъ, что вліяніе иностранцевъ, болѣе и болѣе усиливающихся, существенно вредно для отечественныхъ исправленій, что исправленія и преобразованія должны производиться исподоволь, безъ насилія духу народному, что

потворствовавшие которой нибудь изъ трехъ партій, не могли соблюдать нужнаго безпристрастія и хладнокровія; отъ того этотъ семимѣсячный періодъ времени могъ бы почесться самымъ печальнымъ, если бы не послѣдовало за нимъ время еще болѣе несчастное: время изключительнаго господства Князей Долгорукихъ.

b) Составъ Сената, Коллегій и другихъ второстепенныхъ правительствъ.

Сенатъ, на основаніи инструкціи 1722 года и Указа 1726 Марта 7, долженствовалъ имѣть главное наблюденіе за правымъ рѣшеніемъ дѣлъ судныхъ гражданскихъ и уголовныхъ, за сборомъ доходовъ и употребленіемъ расходовъ государственныхъ, и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ правительственныхъ и полицейскихъ. Но какъ Верховный Тайный Совѣтъ, подъ отвѣтственностію коего Сенатъ состоялъ, не имѣлъ единства и согласія въ своихъ дѣйствіяхъ и опредѣленіяхъ, то и Сенатъ мало заботился о пользѣ общей и дѣйствительномъ успѣхѣ, а ограничивался только наблюденіемъ приказнаго порядка. Члены Сената считали всѣ обязанности, съ ихъ званіемъ сопряженныя, выполненными, когда въ положенные дни и въ урочные часы пріѣзжали въ собраніе, и по внушенію Оберъ-Прокурора и Секретарей рѣшали дѣла, не забо-

тясь о томъ, правильно ли ихъ рѣшеніе и согласно ли съ закономъ? Они пріѣзжали въ засѣданіе, какъ гости на званой обѣдъ, не зная не только вкуса кушанья, но и блюдъ, которыми будутъ потчиваны. Къ счастію, докладчики или Оберъ-Секретари были тогда люди добросовѣстные и уваженные своими современниками, Матвѣй Козминъ и Иванъ Кириловъ; послѣдній сдѣлался потомъ знаменитъ заслугами на другомъ поприщѣ службы. Дѣйствительными членами Сената были въ то время: И. И. Дмитріевъ — Мамоновъ и С. А. Салтыковъ, приверженцы Остермана, Юрій Нелединскій — Мелецкій, другъ Голицыныхъ, Василій Новосильцовъ, человѣкоугодникъ, поклонникъ силы и власти, и отъ того не позволявшій себѣ сужденія самостоятельнаго, ни дѣйствій независимыхъ, Ѳедоръ Васильевичь Наумовъ, вскорѣ отозванный къ устройству Малороссіи, и Князь Алексѣй Михайловичь Черкасскій, достойный высокаго родства (36), истинный вельможа по душѣ и уму, благородный и образованный, правдивый и безкорыстный, но слишкомъ уклончивый, даже робкой, и отъ того не рѣшительный. Графъ Павелъ Ивановичь Ягужинскій, нося по прежнему званіе Генералъ-Прокурора, не дѣйствовалъ по Сенату вовсе со времени его преобразованія или униженія; но во всѣхъ случаяхъ показывалъ себя злѣйшимъ врагомъ Долгорукихъ, особенно Князя Алексѣя Григорьевича. Канцеляріею Сената завѣ-

дывалъ Оберъ-Прокуроръ, каковымъ, по паденіи Князя Меншикова, былъ Матвѣй Воейковъ, носившій въ тоже время и званіе Генералъ-Рекетмейстера; онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ Князю И. Ѳ. Ромодановскому и С. А. Салтыкову, и потому принадлежалъ къ Остермановской партіи. Къ составу же Сената относилась Герольдмейстерская контора, которой начальникомъ былъ Герольдмейстеръ Иванъ Плещеевъ, также приверженецъ Остермана. И такъ, Высокій Сенатъ дѣлился на три партіи: одна поддерживала пользы Остермана, другая Голицыныхъ, а третія не склонялась рѣшительно ни къ которой сторонѣ. При такомъ разномысліи членовъ Сената можно ли было ожидать полезнаго дѣйствія отъ него на мѣста и лица, ему подвѣдомыя? Могли ли жалобы, подаваемыя на Высочайшее имя о неправости судей и притѣсненіяхъ Воеводъ, разбираться безпристрастно, и просители получать удовлетвореніе безволокитно? До Петра II всѣ прозьбы и жалобы поступали въ Кабинетъ Императорскаго Величества, гдѣ Тайный Кабинетъ-Секретарь Алексѣй Васильевичь Макаровъ и помощникъ его И. А. Черкасовъ разбирали оныя и представляли Государю. Кабинетъ упраздненъ, дѣла его переданы Сенату (37), и толпы недовольныхъ, просителей и истцевъ, вопіявшихъ или на неправость суда Сенатскаго, или на нескончаемыя волокиты, свидѣтельствова-

ли о превосходствѣ прежняго способа управленія.

И *въ Коллегіяхъ* не болѣе было порядка, какъ въ Сенатѣ; со времени кончины Преобразователя произошли значительныя перемѣны въ составѣ, числѣ и штатѣ Коллегій; число коллежскихъ членовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ уменьшено въ половину, и притомъ при дѣлахъ постановлено быть только половинѣ членовъ, а прочимъ даровано право жить въ деревняхъ своихъ для хозяйства, съ перемѣною погодно. Штатсъ-контора, завѣдывавшая Государственными расходами и составлявшая при Петрѣ I особую коллегію, соединена съ Камеръ-коллегіею, за то явилась новая коллегія Экономіи.

По удаленіи Меншикова, наличный составъ коллегій былъ слѣдующій:

1) *Военная коллегія* оставалась нѣкоторое время безъ главы; въ лицѣ Меншикова лишилась она своего Президента, а Генералъ Лассій, ея Вице-Президентъ, находился съ арміею въ Курляндіи. Въ концѣ 1727 года присутствовали въ Военной Коллегіи: Минихъ, Князь Юсуповъ, Гохмутъ, Баронъ Гиссенъ (Huyssen), Степанъ Игнатьевъ и Егоръ Пашковъ. Минихъ, не бывъ Президентомъ, управлялъ всѣми дѣлами Коллегіи почти безпрекословно одинъ; Гохмутъ и Гиссенъ были его единомышленники, Князь Григорій Дмитріевичь Юсуповъ, ловкій и просвѣщенный Царедворецъ, ласкаемый Царевнами, уважаемый

Остерманомъ и Левенвольдомъ, не любилъ ни Долгорукихъ, ни Голицыныхъ; презирая первыхъ за ихъ неспособность и крамольничество, и чуждаясь другихъ за ихъ высокомѣріе и гордость; Юсуповъ лично былъ оскорбленъ Голицыными, которые именовали его Татариномъ, окрестившимся по расчетамъ честолюбія, Русскимъ вельможею самозванцемъ. Егоръ Ивановичь Пашковъ, другъ Александра Борисовича Бутурлина и Бестужевыхъ, слѣдственно принадлежавшій къ партіи Голицыныхъ, ненавидѣвшій Остермана и Миниха столько же, сколько прежде Меншикова, осмѣливался одинъ прекословить Миниху въ дѣлахъ Коллегіи — но что могъ сдѣлать молодой Бригадиръ противъ Миниха, имѣвшаго на своей сторонѣ и старшинство, и опытность въ дѣлахъ, и большую часть своихъ сочленовъ? Пашковъ, видя безуспѣшность открытой непріязни своей къ Остермановской партіи, началъ тайныя противъ нея козни; онѣ открыты — онъ и друзья его въ Маѣ 1728 года удалены отъ дѣлъ правительственныхъ и разосланы въ дальнія области Имперіи (38). Минихъ болѣе полугода удерживалъ первенство въ Коллегіи, а Князь М. М. Голицынъ, которому, какъ старшему Фельдмаршалу, принадлежало по праву титло Президента Военной Коллегіи, жилъ въ Москвѣ безъ команды и безъ опредѣленныхъ занятій.

Минихъ управляя дѣлами Военной Коллегіи былъ въ тоже время Военнымъ Губер-

наторомъ С. Петербурга, Главно-управляющимъ работами Ладожскаго канала и надъ фортеціями главнымъ Директоромъ (39); не мудрено, что съ такою необъятною дѣятельностію онъ первенствовалъ вездѣ и одолѣвалъ враговъ своихъ.

Во время его управленія и по его предположенію Военная Коллегія сдѣлала многія полезныя распоряженія: войска размѣщены по городамъ пограничнымъ и по областямъ, обильнымъ лѣсами и богатымъ средствами продовольствія; полки, коихъ тогда было 63: 30 Драгунскихъ и 33 пѣхотныхъ, названы по городамъ, а не по именамъ полковыхъ начальниковъ, какъ было прежде (40); для укомплектованія арміи, потерпѣвшей въ послѣдніе годы убыль и естественную и отъ войнъ, произведенъ рекрутскій наборъ съ 305 душъ одного рекрута, и какъ мужское ревизское населеніе въ семъ году было 5.528.742 души, то получено 16.640 человѣкъ рекрутъ (41); для обезпеченія войскъ въ ихъ содержаніи наполнены всѣ магазины запаснымъ хлѣбомъ (42); полки, гарнизонами расположенные по внутреннимъ городамъ, употреблялись преимущественно для сыску и искорененія воровъ и разбойниковъ, которые многолюдными толпами переходили изъ края въ край и производили ужасныя неистовства. Генералъ-лейтенантъ Чекинъ, по указанію Военной Коллегіи, съ большимъ отрядомъ дѣйствовалъ въ [illegible]

странахъ Приволжскихъ и Придонскихъ къ водворенію тамъ безопасности.

2) *Адмиралтействъ-Коллегія* съ исхода 1727 года до самаго конца царствованія Петра II находилась почти безъ всякаго значенія. Петръ Великій любилъ страстно флотъ, какъ дитя, имъ рожденное; Екатерина I, руководимая Меншиковымъ, поддерживала по прежнему морскія силы, и могла даже стращать ими своихъ сосѣдей; Петръ II имѣлъ отвращеніе отъ моря, потому не только не заботился о флотѣ, но рѣшительно пренебрегъ имъ. Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, съ 1707 года главный начальникъ Адмиралтейства (43), съ 1717 Генералъ-Адмиралъ и Президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи (44), управлялъ всею морскою частію не по внутреннему призванію, не по отличнымъ знаніямъ въ дѣлѣ, но по волѣ Монарха, любившаго его и по родству, и за его мужество, проницательный умъ и преданность къ себѣ, не смотря на то, что Апраксинъ противлялся иногимъ его нововведеніямъ. Главнымъ украшеніемъ и подпорою флота былъ Адмиралъ Крюйсъ (Cruys); послѣ его смерти (45), послѣдовавшей почти за три мѣсяца до паденія Меншикова, не было между Адмиралами никого, кто бы имѣлъ довольно силы и уваженія, чтобы поддержать не любимую Императоромъ часть управленія. На мѣсто Крюйса назначенъ въ помощь Апраксину Вице-Президентомъ Коллегіи Датчанинъ Сиверсъ, морякъ

искусный, достойный сподвижникъ Петра Великаго, но человѣкъ строптивый, во всемъ разномыслившій съ Апраксинымъ; сидѣвшій въ Кронштатскомъ портѣ, и отдаленный отъ участія въ дѣлахъ управленія. Прочіе члены Коллегіи не предпринимали ничего къ сохраненію чести Рускаго флага; одни не умѣли дѣйствовать: Владиміръ Васильевичь Шереметевъ и Василій Ильичь Дмитріевъ-Мамоновъ, другіе не хотѣли: Дуффусъ и Бредаль; первые посажены были въ Коллегію по уваженію знаменитости рода, другіе боялись плыть противъ теченія, устрашенные примѣромъ Адмирала Змаевича, дерзнувшаго говорить о разстройствѣ флота, и за то подвергшагося гоненію Апраксина и Долгорукихъ, лишеннаго мѣста и Александровскаго ордена и долго томившагося подъ тяжкимъ арестомъ.

Что бы отвратить и на будущее время подобные порывы усердія членовъ Коллегіи Верховный Совѣтъ постановилъ, чтобы *о новыхъ дѣлахъ, какія бъ иногда случиться могли, докладывать въ Совѣтъ*, а самимъ не опредѣлять ничего, *и военныхъ кораблей никуда не посылать* безъ особеннаго указа отъ Государя (46), и одинъ только разъ во все свое царствованіе Петръ II далъ Адмиралтейству указъ отправить два фрегата въ Голштинію для перевезенія въ С. Петербургъ тѣла Цесаревны Анны Петровны (47). Вотъ чѣмъ ограничились при Петрѣ II движенія и подвиги Рускаго флота, нѣкогда побѣдонос-

наго и страшнаго врагамъ. Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ, скончавшійся въ исходѣ 1728 года, былъ умный и точный исполнитель премудрыхъ начертаній Петра I, храбрый вождь и сановитый царедворецъ; но правительственныхъ соображеній, творческаго, самобытнаго ума и твердой на добро воли, онъ не имѣлъ; понятно, отъ чего онъ держался при всѣхъ партіяхъ и сохранилъ свою почетность до конца жизни своей.

3) *Коллегія иностранныхъ дѣлъ* держалась на прежнихъ основаніяхъ и съ прежнимъ достоинствомъ. Сношенія Россійскаго Двора съ Кабинетами Европы не измѣнились ни въ чемъ; Россія занимала по прежнему то почетное мѣсто между державами, которое пріобрѣлъ для нее Петръ I. Послѣ смерти Графа Рабутина, скончавшагося 28 Августа 1727, прибыло отъ Императора Римскаго великолѣпное посольство, главою коего былъ Графъ Вратиславъ Дмитровичь, подтвердившій, по волѣ своего Государя, всѣ прежніе трактаты, заключенные между обоими Императорскими Дворами. Около того же времени Петръ II имѣлъ удовольствіе видѣть предъ лицемъ своимъ посла изъ земли отдаленной, доселѣ мало заботившейся о Россіи: Дюкъ де Лиріа, Грандъ 1 класса и Фельдмаршалъ, прибылъ (7 Ноября 1727) отъ Короля Испанскаго, желавшаго упрочить дружественныя связи Испаніи съ Россіею (48). Посланники Прусскій Мардефельдъ, Польскій Лефортъ, Датскій Вест-

фаленъ, Шведскій Цедеркрейцъ и Голландскій де Дьё (de Dieu) были залогами ненарушимости мира и дружественныхъ сношеній нашихъ съ важнѣйшими для насъ Государствами. Дѣятельность необыкновенная замѣтна была въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; разномысліе во внутреннемъ управленіи и борьба партій не имѣли на нее никакого дѣйствія. Великій Канцлеръ Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, не крамольничая ни противъ Остермана, ни противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, и не дѣйствуя открыто въ пользу которой либо изъ сихъ партій, держался благоразумной средины: безпристрастія и умѣренности, имѣлъ на своей сторонѣ правоту своихъ намѣреній и общее уваженіе, и былъ недоступенъ врагамъ, и силенъ своими заслугами и добродѣтелями, своими огромными богатствами и большими связями родственными: этотъ нѣкогда *бѣдный Алексинскій помѣщикъ* (46) имѣлъ теперь болѣе 20 т. крестьянъ; сынъ его Графъ Михаилъ женатъ былъ на Княжнѣ Ромодановской, племянницѣ Царицы Парасковіи Салтыковой, а дочери его были замужемъ, одна за Графомъ Ягужинскимъ, а другая за Княземъ Борятинскимъ. Остерманъ, видя въ Головкинѣ совершенное отчужденіе отъ всякаго крамольничества и искренно уважая его, какъ благороднѣйшаго и величайшаго изъ всѣхъ тогдашнихъ вельможъ Русскихъ, дѣйствовалъ съ нимъ единодушно, и въ дѣлахъ внѣшней политики слѣдовалъ его пра-

вилам. Этому союзу двухъ знаменитыхъ мужей Государственныхъ одолжена Россія цѣлымъ поколѣніемъ отличныхъ дипломатовъ, въ ихъ школѣ воспитанныхъ, каковы были: Михаилъ и Алексѣй Бестужевы, Александръ и Михаилъ Головкины, Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сергій Дмитріевичъ Голицынъ и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

Примѣчаніе. Сіи три Коллегіи именовались первыми или Государственными и состояли въ вѣдѣніи только Верховнаго Тайнаго Совѣта или самаго Государя: прочія же, кромѣ Синода, были подъ Указами Сената.

4) *Святѣйшій Синодъ* продолжалъ наблюдать за сохраненіемъ православія во всей его чистотѣ и пещись о просвѣщеніи народа; онъ не чуждъ былъ и дѣлъ Государственнаго управленія; при возшествіи на престолъ Екатерины I и Петра II вліяніе Синода было очевидно; и по самому существу состава своего и по качеству лицъ, присутствовавшихъ въ Синодѣ, онъ необходимо долженъ былъ пользоваться праведнымъ уваженіемъ народа. Членами Синода въ это время были Ѳеофанъ Прокоповичъ, болѣе 10 лѣтъ первенствовавшій въ ономъ и степенію, и умомъ необыкновеннымъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Архіепископъ Тверскій, безъ сомнѣнія знаменитый между тогдашними духовными, даже потому одному, что Ѳеофанъ считалъ его опаснымъ для себя соперникомъ, Георгій Дашковъ, Ар-

хіепископъ Ростовскій, нѣкогда храбрый воинъ, сподвижникъ Шеина подъ Азовомъ, Игнатій Смола, Епископъ Коломенскій, Аѳанасій Кондойди, Епископъ Вологодскій, хитрый и умный Грекъ, вышедшій въ Россію изъ Молдавіи вмѣстѣ съ Княземъ Кантемиромъ, и Раѳаилъ Заборовскій, славный въ послѣдствіи Митрополитъ Кіевскій; преосвященные Георгій и Игнатій были, невѣдомо для нихъ, содержаны подъ строгимъ смотрѣніемъ Остермановской партіи, потому что они оба открыто показывали нелюбовь свою къ Царевнамъ дома Іоаннова. Между духовными того времени замѣчателенъ былъ Гавріилъ Бужинскій, Епископъ Рязанскій, присутствовавшій въ Синодѣ при Екатеринѣ I, и съ 1726 до 1731 года управлявшій всѣми школами, не только духовными, но и народными, и именовавшійся протекторомъ школъ и типографій въ Россіи.

5) Въ 1726 году Синодъ раздѣленъ былъ на два *апартамента*, изъ коихъ первый долженъ былъ завѣдывать собственно духовными и церковными дѣлами, а вторый доходами и имѣніями церковными и судомъ и расправою между духовными; сему послѣднему дано именованіе *Коллегіи Экономіи*. Членами сей Коллегіи при Петрѣ II были Васкаковъ, Чичеринъ, Топильскій, Щербачевъ и Владыкинъ. Прокуроромъ по обоимъ Департаментамъ былъ Раевскій, и Оберъ-Секретаремъ (впрочемъ на

короткое время) И. А. Черкасовъ, сдѣлавшійся потомъ важнымъ лицемъ Государственнымъ.

6) Первыя возможно-правильныя идеи о Государственномъ хозяйствѣ внесены были въ систему управленія нашего Петромъ Великимъ, который для завѣдыванія доходами учредилъ Камеръ-Коллегію, а расходами Штатсъ-Конторъ-Коллегію; первую ввѣрилъ онъ Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а вторую Графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину; при Екатеринѣ I вѣдѣніе доходовъ и расходовъ сосредоточилось въ одномъ правительствѣ, Штатсъ-Контора закрылась, а *Камеръ-Коллегія* начала дѣйствовать въ кругѣ несравненно обширнѣйшемъ. Екатерина I наименовала Президентомъ сей Коллегіи Шаутбенахта Александра Львовича Нарышкина; не познанія его въ камеральной части дали ему право на это важное назначеніе, но одно личное довѣріе къ нему Императрицы и вниманіе къ его службѣ при Цесаревнахъ, дочеряхъ ея; при Петрѣ II Нарышкинъ отрѣшенъ и даже высланъ изъ столицы за хулу на Императора. На мѣсто его назначенъ Президентомъ Камеръ-Коллегіи Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, достойный воспитанникъ Петра Великаго, по званію Кабинетъ-Секретаря пріобрѣтшій разнообразнѣйшія свѣденія въ управленіи, бывшій въ пріязненныхъ связяхъ со всѣми образованными иностранцами, и за свое безкорыстіе и честность уважаемый всѣми; но безъ связей, безъ обезпеченнаго состоянія,

безъ подпоры въ высшемъ кругу онъ по необходимости долженъ былъ зависѣть отъ партій и склоняться на сторону одолѣвающей. Ближайшимъ помощникомъ Макарову былъ Вице - Президентъ Карлъ Принценштернъ, Шведъ родомъ, оставшійся въ Россіи со времени Полтавской битвы, и употребленный при самомъ первомъ образованіи Коллегій по дѣламъ Штатсъ-Конторы, полезный знаніями своими Графу Мусину-Пушкину и Князю Голицыну, и во время Президентства Нарышкина именемъ его управлявшій всѣми дѣлами Камеръ-Коллегіи. Кромѣ Принценштерна сочленами Макарова были Сафоновъ, Ключаревъ и два *Лифляндца* Фонъ Зальца и Гликъ; послѣдній былъ учителемъ Елисаветъ Петровны. Долгорукимъ одолженъ былъ Макаровъ званіемъ Президента; по упраздненіи Императорскаго Кабинета въ 1727 году онъ оставался безъ мѣста; они избрали его, какъ человѣка способнаго сберегать доходы и открывать новые источники оныхъ, и обязаннаго удовлетворять этими доходами всѣмъ ихъ прихотямъ и расточать сбереженное на усиленіе ихъ партіи.

7) *Юстицъ-Коллегія* имѣла первымъ своимъ Президентомъ Графа Андрея Артамоновича Матвѣева; сынъ Рижскаго Пастора, Бреверъ, замѣченный Петромъ I по обширнымъ знаніямъ въ законовѣдѣніи, былъ Вице-Президентомъ и образователемъ порядка и первоначальнаго устройства сей Коллегіи.

Матвѣевъ, болѣе искусный въ дѣлахъ внѣшней политики, чѣмъ въ судопроизводствѣ, скоро сложилъ съ себя званіе Президента Юстицъ-Коллегіи; ему преемствовали не на долго Графъ Петръ Матвѣевичь Апраксинъ, братъ Генералъ-Адмирала и Графъ Иванъ Андреевичь Толстой, братъ бывшаго члена Верховнаго Совѣта; при нихъ дѣйствующимъ лицемъ былъ иноземецъ Вольфъ, болѣе знакомый съ существомъ Шведскаго уложенія, на которомъ основывалось устройство нашихъ судебныхъ мѣстъ. Со времени Екатерины I Президентомъ Юстицъ-Коллегіи былъ Князь М. М. Голицынъ младшій, которому въ помощь даны были два Вице-Президента Ергольскій, вновь назначенный для рѣшенія судебныхъ дѣлъ по Губерніямъ Русскимъ, и прежній Вольфъ для Губерній Нѣмецкихъ. Князь Голицынъ оставался Президентомъ и при Петрѣ II, но это званіе не только не могло придать вѣсу ему лично и партіи Голицынской вообще, напротивъ много еще вредило ему во мнѣніи общемъ; онъ былъ человѣкъ неукоризненной честности и строгаго безкорыстія и старался по обязанности званія своего хранить въ судахъ правду; но правды не было, судьи богатились законными и незаконными поборами съ народа, Губернаторы и Воеводы сидѣли въ Губерніяхъ и провинціяхъ не для охраненія, но для угнетенія и разоренія ихъ; челобитчики обращались къ Юстицъ-Коллегіи, къ Сенату — но что могли сдѣлать

и сіи высшія судилища при разногласіи членовъ ихъ, и при смутахъ, господствовавшихъ въ самомъ Верховномъ Совѣтѣ?

Высшая или Тайная Юстиція изслѣдовала и разыскивала сокровенныя Государственныя преступленія, которыя не подлежали вѣдомству обыкновенныхъ судовъ и Юстицъ-Коллегіи, а разбирались въ такъ называемой *Преображенской или Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи*, которой главами при Петрѣ I были Князь Өедоръ Юрьевичь Ромодановскій, а потомъ Графъ Петръ Андреевичь Толстой, а при Екатеринѣ I и Петрѣ II Князь Иванъ Өедоровичь Ромодановскій. Къ чести Князя И. Ө. сказать надобно, что никогда ни прежде, ни послѣ его Тайная Канцелярія не руководствовалась такою кротостію; при немъ мало было работы въ застѣнкѣ; рѣдко прибѣгали къ розыскамъ и пыткамъ. Лѣтописи Тайной Канцеляріи, содержатъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе документы, которые одни въ состояніи изъяснить многія темныя мѣста въ Исторіи Россіи XVIII вѣка.

8) *Вотчинная Коллегія*, образовавшаяся въ 1722 году для управленія вотчинными и помѣстными дѣлами, отличалась при Петрѣ II необыкновенными непорядками и большими противъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ злоупотребленіями. Президентъ ея Сухотинъ и Вице-Президентъ Мануковъ не сильны были отвратить оныхъ; начало всему злу заключалось въ законѣ Екатерины I, по которому

повелѣно *приказнымъ людямъ обрѣтающимся въ Юстицъ- и Вотчинной Коллегіяхъ, въ Надворныхъ Судахъ и Магистратахъ жалованья не давать, а довольствоваться имъ отъ дѣлъ съ челобитчиковъ* (50). Богатый всегда былъ правъ предъ бѣднымъ, вельможа всегда выигрывалъ предъ дворяниномъ; собственность не была ограждена. Члены Коллегіи дѣйствовали не по смыслу и указанію закона, но по приказанію сильныхъ олигарховъ.

9) *Коммерцъ-Коллегія* съ самаго учрежденія своего до 1725 имѣла своимъ Президентомъ Графа Петра Андреевича Толстаго, который въ управленіи оною руководствовался совѣтами опытныхъ въ дѣлахъ торговли иностранцевъ, каковы были Шмитъ, Вице-Президентъ, Баконъ и Виллерсъ. Екатерина назначила, на мѣсто Толстаго, Барона П. П. Шафирова, человѣка болѣе способнаго и знающаго. Происками Долгорукихъ Шафировъ удаленъ съ своего поста; дѣла остались въ завѣдываніи Вице-Президента Фика; но со времени учрежденія Коммиссіи о Коммерціи Коммерцъ-Коллегія потеряла свою значительность; все важнѣйшее по части торговли, мануфактуръ и другихъ отраслей промышленности и даже по предмету Государственныхъ доходовъ соображалось и исполнялось въ Коммиссіи о Коммерціи. Это учрежденіе, сотворенное и управляемое Остерманомъ, было лучшимъ памятникомъ царствованія Петра II, хотя идея объ учрежденіи сей Коммиссіи при-

надлежитъ правительству Екатерины I; ниже предложено будетъ о дѣйствіяхъ сей Коммиссіи.

10) *Бергъ-Коллегія* существовала при Петрѣ II однимъ только именемъ; со времени удаленія изъ службы Генералъ-Фельдцейгмейстера Графа Якова Вилимовича Брюса, достойнаго ея Президента, дѣлами горными управлялъ Вице-Президентъ Зыбинъ; сочленами его были иноземцы Михаелисъ и Райзеръ и Василій Татищевъ, находившійся большею частію въ отлучкѣ на Уральскихъ горахъ для содѣйствія Генералъ-Лейтенанту Генингу, первому образователю горнаго производства на востокѣ Россіи. Вообще при Петрѣ II горная часть была пренебрежена; не только новыхъ открытій и разысканій не сдѣлано, но даже не предпринято ничего къ поддержанію прежняго въ надлежащемъ устройствѣ.

11) *Мануфактуръ-Коллегія*, управлявшаяся сперва Брюсомъ, а потомъ Барономъ Строгоновымъ, отвѣчала полезными дѣйствіями своими мудрымъ намѣреніямъ Петра I. Екатерина I, считая ее не полезною въ отдѣльномъ составѣ, упразднила ее передавъ дѣла до мануфактуръ касающіяся въ завѣдываніе Коммерцъ-Коллегіи и назначивъ Сенатора Новосильцова протекторомъ фабрикантовъ. Не Коммерцъ-Коллегія и не протекторъ поддержали раждавшіяся фабрики отъ грозившаго имъ паденія, а Коммиссія о Коммерціи. Остерманъ, бывшій душею сей Коммиссіи, про-

должалъ начатое преуспѣяніе мануфактуръ и оказалъ услуги незабвенныя и по сей части управленія.

12) *Ревизіонъ-Коллегія*, наблюдавшая за законнымъ употребленіемъ казенныхъ суммъ и за денежнымъ движеніемъ въ Коллегіяхъ, имѣла первымъ Президентомъ Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, самаго строгаго и нелицемѣрнаго блюстителя Государственныхъ пользъ; она существовала только четыре года. Петръ Великій призналъ ее потомъ не полезною (*не разсмотря тогда учинено было*) и въ 1722 закрылъ объявивъ, что дѣло Ревизіонъ-Коллегіи *едино дѣло есть, что Сенатъ дѣлаетъ* (51); но Екатерина I возстановила ее въ 1727 назначивъ Президентомъ оной Генералъ-Маіора Ивана Ивановича Бибикова, который бывъ помощникомъ Генерала Лассія въ Курляндіи дѣйствовалъ въ видахъ Остермановской партіи.

13) *Главный Магистратъ*, существовавшій на правѣ Коллегій съ 1721 года, имѣлъ цѣлію споспѣшествовать умноженію городскаго сословія и его благоденствія; онъ былъ высшею судною и правительственною инстанціею для купцовъ, которые не подсудны были Воеводамъ и ограждены чрезъ то отъ ихъ произвола и насилій. Князь Трубецкій и Илья Исаевъ, бывшіе при Петрѣ I одинъ Оберъ-Президентомъ, а другой Президентомъ, управляли благоразумно, и сообразно съ желаніемъ Монарха *разсыпанную храмину купече-*

ства паки собрали (52). При Петрѣ II Президентомъ Главнаго Магистрата былъ Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій; по его представленію Главный Магистратъ упраздненъ вовсе *для лучшаго посадскимъ охраненія* (53). Петръ Великій отстранилъ Воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла купцевъ, предоставивъ имъ управляться своими равными подъ покровительствомъ Главнаго Магистрата, а Петръ II или лучше, Князь Долгорукій, подчинилъ ихъ Воеводамъ, т. е., предалъ ихъ на жертву корыстолюбцамъ.

14) Прочія вѣдомства, какъ не имѣвшія прямаго отношенія къ общей системѣ высшаго управленія, не описываются здѣсь отдѣльно; впрочемъ нельзя не замѣтить, что и они всѣ состояли почти исключительно подъ вліяніемъ Остермановской партіи, или потому, что лица, управлявшія сими вѣдомствами, были иностранцы, или по тому, что сіи мѣста подчинены были самому Остерману или кому либо изъ его приверженцевъ; такъ н. п. *Медицинская Канцелярія*, въ которой присутствовали Іоаннъ Блументростъ, Архіатеръ и Президентъ, и Лаврентій Блументростъ Лейбъ-медикъ, и Захарій фонъ-деръ Гульетъ; *Главная Артиллерійская Канцелярія*, ввѣренная управленію Генерала Гинтера, который по удаленіи Графа Брюса наименованъ былъ вмѣсто его и Генералъ-Фельдцейгмейстеромъ; *Главная полицїймейстерская Канцелярія* подъ начальствомъ Статскаго Совѣтника Позднякова, ко-

торый по званію Оберъ-Полицеймейстера подчиненъ былъ Генералу Миниху; ему же подчинена была и *Канцелярія отъ строеній*, которою въ продолженіе многихъ лѣтъ управлялъ добросовѣстный Юліянъ Акимовичь Сенявинъ, уваженный самимъ Петромъ Великимъ.

2. *Составъ Двора Государева.*

Императорскій Россійскій Дворъ и тогда уже отличался своимъ великолѣпіемъ. Первые чины Двора Петра II, сопровождавшіе въ 1717 году Петра Великаго во время путешествія его по Европѣ, видѣли царедворцевъ Французскихъ, и поражены были блескомъ Двора Версальскаго, стоявшаго со временъ Лудовика XIV выше всѣхъ Дворовъ Европейскихъ. Съ того времени и нашъ Дворъ устроивался по образцу Французскаго, и наши царедворцы, величаясь титлами Нѣмецкими, старались подражать Французамъ въ пріемахъ и въ этикетѣ. Штатъ Двора Петра II составляли слѣдующія лица: Оберъ-Гофмейстеръ Баронъ Остерманъ, Гофмейстеръ Князь А. Г. Долгорукій, Оберъ-Гофмаршалъ Василій Дмитріевичь Олсуфьевъ и Гофмаршалъ Дмитрій Андреевичь Шепелевъ, Оберъ-Шталмейстеръ Графъ П. И. Ягужинскій, Шталмейстеръ Родіонъ Михайловичь Кошелевъ, и Оберъ-Церемоніймейстеръ Баронъ Габихтсталь. Сверхъ сихъ важнѣй-

шихъ чиновъ Двора находились Камергеры и Камеръ-Юнкеры: Графы Сапѣга, Михаилъ Головкинъ и Левенвольдъ, Князья Сергій Голицынъ и Сергій Долгорукій, Балкъ, Бароны Строгоновы, Князь Н. Ю. Трубецкій и А. Б. Бутурлинъ. Въ началѣ 1728 года главою сихъ чиновъ Двора наименованъ 16-ти лѣтній Князь И. А. Долгорукій, пожалованный Оберъ-Камергеромъ.

Кромѣ Большаго или Государева Двора, у всѣхъ членовъ Императорскаго дома были особенные Дворы, такихъ было четыре:

1) *Дворъ Великой Княжны Наталіи Алексѣевны*, при которомъ находились, Гофмейстеръ Графъ Левенвольдъ и Гофмейстерина иностранка Каро.

2) *Дворъ Цесаревны Елисаветы*, при коемъ состояли, Семенъ Григорьевичь Нарышкинъ въ качествѣ Гофмейстера, а дочери Салтыкова и Миниха Фрейлинами.

3) *Дворъ Царевенъ Іоаннова дома*, при которомъ были Салтыковы и Мамоновы.

4) *Дворъ Царицы Евдокіи Лопухиной* въ Москвѣ, куда назначены были И. П. Измайловъ и Князь В. Хилковъ.

Борьба трехъ аристократическихъ партій и торжество Долгорукихъ.

Дворъ Императорскій, со времени удаленія Князя Меншикова, былъ какъ бы риста-

лищемъ, на коемъ бойцы испытывали свои силы, и сдѣлался потомъ мѣстомъ сокровенныхъ нападеній и открытаго боя соперниковъ, препиравшихся о власти. *Ежели взять нынѣшнее обхожденіе*, говорили современники, *какимъ мученіемъ суетнымъ преходятъ люди съ людьми: нынѣ слышишь такъ, а завтра иначе; есть много такихъ, которые ногами ходятъ, а глазами не видятъ, а которые и видятъ, тѣ не слышатъ; новые временщики привели великую конфузію такъ, что мы съ опасеніемъ бываемъ при Дворѣ, всякой всякаго боится, а крѣпкой надежды нигдѣ нѣтъ* (54). Одинъ Императоръ оставался спокоенъ посреди тревожнаго Двора своего, не заботясь *о великой конфузіи* между его царедворцами, и даже не подозрѣвая существованія партій, столь гибельныхъ его Имперіи; онъ скучалъ только тогда, когда по обязанности бесѣдовалъ съ Остерманомъ и выслушивалъ докучливыя его наставленія, скоро забывалъ оныя, проводя все остальное время или въ потѣхахъ съ Княземъ Иваномъ Долгорукимъ, или въ пріятномъ и не тягостномъ для него сообществѣ съ Великою Княжною, сестрою своей, и съ Цесаревной Елисаветой, своею теткою; къ симъ тремъ лицамъ питалъ онъ долго почти одинаковую привязанность. На сей привязанности Государя всѣ три партіи основали свои надежды и начертали планъ для своихъ дѣйствій.

Князь Алексѣй Долгорукій, видя чрезмѣр-

нуую привязанность Императора къ сыну его и постоянно возраставшее довѣріе къ нему самому; помышлялъ единственно только о томъ, чтобы охладить сердце Государя и къ сестрѣ его и къ теткѣ, и чрезъ то изключительно себѣ одному присвоить всю власть въ Государствѣ; съ ловкостію опытнаго царедворца началъ онъ козни сперва противъ Великой Княжны Наталіи, а потомъ и противъ Цесаревны Елисаветы.

Наталія Алексѣевна, только годомъ и тремя мѣсяцами старѣе Императора, своего брата, обнаруживала необыкновенныя качества души, сердца и ума. Петръ II и любилъ, и уважалъ ее; съ самаго вступленія своего на престолъ, въ продолженіе перваго полугода, онъ не скрывалъ отъ нея ни одной самой сокровенной думы, обо всемъ съ ней совѣщался, и во всемъ слѣдовалъ ея совѣтамъ, всегда здравымъ и зрѣлымъ, не смотря на незрѣлость ея возраста; она могла наклонять Императора ко всему, къ чему хотѣла, а она хотѣла только добра и пользы, потому что сама направляема была умнымъ Остерманомъ, котораго она умѣла оцѣнить и уважала искренно.

Сіе уваженіе и покровительство, оказываемое Наталіею Остерману, было достаточною причиною тайной къ ней ненависти Долгорукихъ. Князь Иванъ, по внушенію отца своего, отклонялъ Императора, подъ разными предлогами, отъ частыхъ бесѣдъ его съ сестрою, и тѣмъ усерднѣе старался усиливать

въ немъ расположеніе къ теткѣ, Цесаревнѣ Елисаветѣ. Слабодушный Петръ, очарованный прелестями сей послѣдней, предался ей со всемъ пыломъ молодости, являлъ ей торжественно свою преданность, ее только искалъ въ собраніяхъ, и безусловно слѣдовалъ ея внушеніямъ; Елисавета рѣшительно отвратила сердце Государя отъ любимой прежде сестры его. Долгорукіе достигли своей цѣли, но только въ половину; Наталія не была уже для нихъ опасна, за то Елисавета, ими сближенная съ Государемъ и пріобрѣтшая надъ нимъ столько власти, казалась имъ еще болѣе грозною.

Долгорукіе, успѣвшіе безъ большихъ затрудненій охладить въ душѣ Петра II чувство любви и нѣжной привязанности къ сестрѣ его, не надѣялись такъ скоро отвратить его отъ Елисаветы; привязанность къ ней день ото дня возрастала. Они, видя невозможность перемѣнить расположеніе къ ней Петра, искали другаго способа избавиться отъ страшнаго для нихъ соперничества, и остановились на одномъ предположеніи:

Морицъ Саксонскій, съ 1725 года домогавшійся Курляндской Герцогской короны, не преставалъ питать себя надеждами успѣха, не смотря на неудачи, имъ испытанныя; зная, что Дворъ Россійскій никогда не допуститъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, онъ думалъ чрезъ посредство Россіи сдѣлаться владѣтельнымъ Княземъ Курляндіи, и за то под-

чинить пользы земли сей пользамъ великой Имперіи; для того онъ отправилъ тайнаго агента въ Петербургъ съ порученіемъ склонять на его сторону Министровъ Императора, и просить ему руки Цесаревны Елисаветы. Долгорукіе (55) находили замужство Елисаветы лучшимъ средствомъ къ удаленію ея не только отъ Двора Государева, но и изъ Россіи, и потому охотно соглашались содѣйствовать видамъ Морица, тѣмъ болѣе, что при семъ случаѣ они могли непріязнь свою къ Цесаревнѣ закрыть благовиднымъ предлогомъ пользъ Государственныхъ, могли утверждать, что соединеніе Морица съ Принцессою Императорскаго дома будетъ залогомъ прочной покорности Курляндцевъ и совершеннаго усвоенія за Россіею такой земли, которая доселѣ служитъ яблокомъ раздора между Рускими и Поляками. Но и это сватовство Морица не имѣло послѣдствій; точныя причины его неудачи и безполезности посредничества Долгорукихъ неизвѣстны; вѣроятно однакожь, что Остермановская партія, проникнувъ истинную причину доброхотства Долгорукихъ къ Морицу, и страшась единовластія ихъ въ случаѣ удаленія Елисаветы, умѣла отклонить предложенія агента Морицева и тѣмъ хотя замедлить быстрое стремленіе Долгорукихъ къ исключительному господству. При томъ же и Герцогиня Анна Іоанновна не могла не противудѣйствовать намѣреніямъ Морица и замысламъ Долгору-

нихъ; могла ли она равнодушно согласиться на предоставленіе въ пользу другихъ той страны, надъ которою она безпрекословно и давно властвовала, хотя и не имѣла на то законнаго права?

И такъ Елисавета, вопреки проискамъ Долгорукихъ, осталась при лицѣ Государя, и пользуясь по прежнему безпредѣльнымъ его къ себѣ довѣріемъ, служила сильною помѣхою ихъ властолюбію. Не долго однакожь сохранила она сіе довѣріе: своимъ легкомысліемъ разрушила сама свою силу и навсегда лишилась уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви Императора.

Князья Голицыны, руководимые одною мыслію оспорить первенство у Князей Долгорукихъ, или по крайней мѣрѣ раздѣлять съ ними власть, являли раболѣпное усердіе и преданность Цесаревнѣ Елисаветѣ и чрезъ нее старались получить вѣсъ при Императорѣ. А. Б. Бутурлинъ употребленъ былъ ими, какъ средство къ достиженію ихъ цѣли. По званію Камергера Двора Цесаревны, онъ имѣлъ свободный къ ней доступъ, и вскорѣ ловкостію своею расположилъ Елисавету въ свою пользу и сдѣлался ближайшимъ къ ней человѣкомъ; чрезъ ея посредство онъ сблизился и съ самимъ Государемъ, который началъ ему оказывать столько же вниманія и любви, какъ и Князю Ивану Долгорукому. Въ самый первый день новаго 1728 года молодый Бутурлинъ, никакою еще важ-

ною заслугою себя не ознаменовавшій, пожалованъ былъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, а 10 Февраля того же года произведенъ былъ въ Генералъ-Майоры и зачисленъ въ Кавалергардскій корпусъ. Дворъ видѣлъ въ немъ втораго любимца Государева и съ вѣроятностію заключалъ объ усиленіи партіи Голицыныхъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали близкой развязки важнаго вопроса, кто одолѣетъ рѣшительно: Долгорукіе или Голицыны? Полезнѣйшею для обѣихъ партій и благоразумнѣйшею мѣрою было бы искреннее ихъ соединеніе и дѣйствованіе совокупными силами на пользу Государя и Россіи; партія Остермановская, нелюбимая Русскими, не устояла бы тогда, не смотря на великія способности и заслуги большей части ея членовъ; Петръ II явился бы въ нашей исторіи подъ другимъ образомъ, болѣе свѣтлымъ, и домъ Іоанновъ, вѣроятно, никогда бы не царствовалъ въ Россіи. Но не было и мысли объ искренности, о дружбѣ: Голицыны считали для себя унизительнымъ искать пріязни Долгорукихъ, а Долгорукіе не видѣли надобности въ союзѣ съ ними; они скоро сдѣлались сильнѣе Голицыныхъ; въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ Долгорукихъ: въ Февралѣ, двое изъ ихъ фамиліи, Князь Василій Лукичь и Князь Алексѣй Григорьевичь, были наименованы членами онаго; около того же времени на ихъ сторону склонился и Остерманъ, слѣд-

ственно Князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ, одинъ изъ всей партіи своей присутствовавшій въ Совѣтѣ, не видѣлъ себѣ ни въ комъ подпоры и не могъ направлять дѣлъ по желанію и на пользу своихъ единомышленниковъ. Скоро по томъ потеряли Голицыны довѣріе Государя и значительность при Дворѣ: Бутурлинъ, тамъ доселѣ ихъ поддерживавшій, навлекъ на себя своими поступками гнѣвъ Императора и былъ главною причиною охлажденія его и къ Цесаревнѣ. И такъ, Голицынская партія, думавшая упрочить за Елисаветъ Петровною исключительное довѣріе и силу у Государя, и чрезъ то утвердить свой собственный вѣсъ, легкомысліемъ и высокомѣріемъ своимъ способствовала только еще къ большему обезсиленію Цесаревны и приготовила собственное свое паденіе. Все остальное время Царствованія Петра II Голицыны не имѣли уже ни какой значительности политической и уклонились отъ дѣлъ; поле единоборства осталось за Долгорукими.

Остерманъ съ своими приверженцами (56), уважаемый Великою Княжною и, чрезъ Графа Левенвольда, поддерживаемый въ добромъ расположеніи у Цесаревны, принялъ, по паденіи обѣихъ, оборонительное положеніе: онъ не могъ открыто состязаться съ Долгорукими о почестяхъ и о первенствѣ при Дворѣ, но осторожно и хитро удерживалъ за собою первенство въ дѣлахъ и направлялъ оныя по своему усмотрѣнію. Долгорукіе, кичась любовію къ

нимъ Государя и безспорнымъ первенствомъ на сценѣ Дворской, желали бы и правительствовать одни исключительно; но сильнѣйшіе въ сей партіи, Князья Иванъ Алексѣевичь и Алексѣй Григорьевичь, не имѣя ни способностей, ни опытности, не знали, съ чего начать и чѣмъ кончить, и по тому видѣли необходимость щадить Остермана и предоставить ему завѣдываніе важнѣйшими дѣлами Государства по прежнему. И такъ, у Долгорукихъ остались только почетность и наружные знаки господства и власти, а у Остермана существо власти; суетность первыхъ была удовлетворена вполнѣ. По паденіи Наталіи, Елисаветы и Голицыныхъ, Долгорукіе успокоились (57), перестали опасаться Остермана, не хотѣли его удаленія тѣмъ болѣе, что Остерманъ, видимо угодничая имъ во всемъ и смиряясь предъ ними, старался сблизиться съ ними и какъ бы подчинить себя ихъ волѣ, не начиная и не рѣшая ничего безъ ихъ предварительнаго согласія.

Таково было состояніе Двора и правительства Россійскаго въ первое полугодіе послѣ удаленія Князя Меншикова!

Заключимъ обозрѣніе сего періода краткимъ повѣствованіемъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, случившихся въ сіе время.

1. *Возстановленіе Гетманскаго достоинства въ Малороссіи.*

Малороссія, долго волнуемая мятежами и безпорядками внутренними, состояла съ 1722 года подъ вѣдѣніемъ Малороссійской Коллегіи, которой Президентомъ былъ Рускій сановникъ по Высочайшему избранію. Въ теченіе пяти лѣтъ Малороссіяне скорбѣли объ измѣненіи своего прежняго быта, тяготились новыми поборами, до толѣ у нихъ небывалыми, жаловались на своеволіе Рускихъ и умоляли Государя о дарованіи имъ Гетмана, по стародавнимъ обычаямъ. Высокомѣріе Президента Степана Лукича Вельяминова и громкіе противъ него вопли всего Малороссійскаго народа заставили правительство Петра II облегчить судьбу сего края: Малороссійская Коллегія закрыта, Вельяминовъ отозванъ, и дано позволеніе избрать Гетмана. Въ присутствіи Государева посланнаго, Тайнаго Совѣтника Наумова, восхищенные Малороссіяне избрали, 20 Сентября 1727 года, своимъ главою или Гетманомъ Даніила Апостола, давно знаменитаго подвигами и заслугами Россіи (58). Сія милость, явленная Петромъ II Малороссіи, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ превосходною правительственною мѣрою: она водворила спокойствіе въ семъ краѣ, усилила преданность жителей къ Государю, и чрезъ то обезпечила Россію съ западной ея границы.

2. *Буринскій трактатъ съ Китайцами. Графъ Савва Владиславичъ.*

Рагузинскій Графъ Савва Владиславичь, отправленный еще въ 1725 году въ Китай для переговоровъ о разграниченіи обѣихъ Имперій и объ установленіи торговыхъ связей между ними, совершилъ съ успѣхомъ важное сіе порученіе. Посольство это въ началѣ не обѣщало желаемаго окончанія; переговоры между Рускимъ посланникомъ и Китайскими чинами продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; каждая статья переговоровъ оспориваема была съ ожесточеннымъ упорствомъ со стороны Китайцевъ, которые для уловленія Рускихъ позволяли себѣ всѣ средства, внушаемые недовѣрчивою политикою: обманы, ругательства, угрозы и темничное заключеніе. Графъ Савва одолѣлъ всѣ препятствія своею твердостію и безстрашіемъ. Повелитель Серединной Имперіи, по настоянію его, выслалъ на границу своихъ уполномоченныхъ, и Владиславичь, послѣ торжественной отпускной аудіенціи у Богдыхана, выѣхалъ изъ Пекина въ Апрѣлѣ 1727 года, и по прибытіи къ предѣламъ Сибири, немедленно вступилъ въ сношенія съ Китайскими Министрами; послѣ продолжительныхъ прѣній подписанъ былъ съ обѣихъ сторонъ договоръ 20 Августа на рѣкѣ Бурѣ, текущей въ Селенгу (59). Буринскимъ договоромъ прекращены на долго распри о

границахъ, происходившія дотолѣ между подданными обѣихъ Имперій, и утверждены дружественныя сношенія Рускихъ съ Китайцами. Опредѣленіе пограничныхъ линій и постановленіе маяковъ и карауловъ произведено было съ необыкновенною точностію нарочными коммисарами, каковыми со стороны Россіи были: Секретарь посольства Иванъ Глазуновъ и Комнатный Стольникъ Степанъ Андреевичь Колычевъ: первый провелъ пограничную черту отъ Кяхты на востокъ до рѣки Аргуни, а вторый отъ Кяхты на западъ до послѣдняго урочища Шабинъ-Дабага и до Контайшина владѣнія. Утвержденіе сего договора и размѣнъ грамотъ послѣдовали со стороны Богдыхана не ранѣе Іюня 1728 года (60). Важнѣйшею выгодою для Россіи отъ сего договора было: 1) совершенно свободное отправленіе торговли на самой граничной чертѣ, въ мѣстахъ нарочно для того избранныхъ: одно на правомъ берегу рѣки Аргуни въ урочищѣ Цурухайту, а другое на рѣчкѣ Кяхтѣ, изливающейся въ Буру. Здѣсь положено построить двѣ слободы, во 120 саженяхъ разстояніемъ одна отъ другой; Руская названа Кяхтою, а Китайская — Маймачинъ; между ними поставить столбы и караулы для наблюденія, чтобъ никто не выступалъ изъ границъ; обѣ окружить острогами, Руская сверхъ того укрѣплена была послѣ 6 бастіонами и валомъ. 2) Право отправлять чрезъ каждые три года караванъ въ Пекинъ, и тамъ торговать, про-

давать и покупать безпошлинно; и 3) Право содержать въ Китаѣ постоянное посольство изъ 4 лицъ духовныхъ и 6 молодыхъ людей для изученія Китайскаго языка. На основаніи сего договора Лоренцъ Лангъ въ первый разъ отправился въ Пекинъ съ купеческимъ караваномъ еще въ Сентябрѣ 1727 года. Изъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ, какъ прежде, такъ и послѣ производившихся, посольство Графа Владиславича (61) безъ сомнѣнія принесло Россіи наиболѣе, и чести, и существенныхъ выгодъ: справедливо Верховный Тайный Совѣтъ пожаловалъ Владиславича Тайнымъ Совѣтникомъ и Александровскимъ Кавалеромъ, а исторія вписала имя сего иноземца въ число славныхъ мужей первой половины XVIII вѣка.

3. *Манифестъ о коронаціи и путешествіе Петра II въ Москву для коронованія.*

Еще въ первые мѣсяцы воцаренія Петра II были дѣланы приготовленія къ торжественному коронованію Императора. Царица Евдокія давно ожидала его въ Москвѣ; но Меншиковъ, желая обезпечить себя и прочно усвоить себѣ изключительную власть надъ Государемъ, откладывалъ отъѣздъ его подъ разными предлогами. Паденіе Меншикова отстранило всѣ затрудненія; всѣ враждовавшія между собою партіи Дворскія были

равно согласны на ускоренiе ожидаемаго всѣми торжества; при семъ случаѣ должны были окончательно разрѣшиться ожиданiя однихъ и страхи другихъ. Октября 10 дня возвѣщено было, что Императоръ Петръ II, *послѣдуя Боговѣнчаннымъ предкамъ своимъ и всѣмъ Христолюбивымъ потентатамъ, и исповѣдуя, что полученная имъ превеликiя и преславныя монархiи держава есть даръ, данный ему отъ Царя царствующихъ, воспрiялъ намѣренiе* возложить на себя Императорскую корону и совершить священное помазанiе въ Москвѣ (62).

Приготовляясь къ отъѣзду изъ С. Петербурга, Императоръ возложилъ управленiе своей столицы на Генерала Миниха, а Верховному Совѣту, всѣмъ высшимъ чинамъ Двора своего и правительства, повелѣлъ слѣдовать за собою. Онъ отправился въ путь 9 Генваря 1728 и совершилъ оный въ теченiе 10 дней, видѣвъ непреложныя доказательства народной любви къ себѣ. Въ Новѣгородѣ и Твери уготованы были для него торжественныя встрѣчи; всѣ селенiя на дорогѣ наполнены были безчисленнымъ множествомъ народа, стекшагося изъ разныхъ странъ, видѣть и привѣтствовать своего юнаго Монарха, надежду и залогъ будущаго своего счастiя. Генваря 19 Императоръ остановился въ 7 верстахъ отъ Москвы въ загородномъ домѣ Грузинской Царицы, гдѣ застигнутый

болезнію принужденъ былъ прожить болѣе двухъ недѣль.

4. *Въѣздъ Петра II въ Москву.—Коронація его.*

Торжественный въѣздъ Государя въ древнюю столицу воспослѣдовалъ 4 Февраля. По имяннымъ указамъ, даннымъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта (63), устроены были въ трехъ мѣстахъ тріумфальныя ворота, обитыя шпалерами и коврами, и украшенныя эмблемматическими картинами, приличными сему празднеству. Московскій Генералъ-Губернаторъ, Князь И. Ѳ. Ромодановскій, ввелъ Государя чрезъ Спасскія ворота въ Кремль, долженствовавшій быть свидѣтелемъ, и царственныхъ торжествъ Петра II, и вскорѣ потомъ его кончины, несчастной для Россіи.

Первые дни пребыванія Петра II въ Москвѣ ознаменованы были необыкновенными милостями къ фамиліи Долгорукихъ: 8 Февраля двое изъ нихъ, Князь Василій Лукичь и Князь Алексѣй Григорьевичь, пожалованы членами Верховнаго Совѣта; 11-го Князь Иванъ Алексѣевичь возведенъ въ званіе Оберъ-Камергера и украшенъ орденомъ Св. Андрея (64), а 24-го Князь Василій Владимировичь произведенъ въ Генералъ-Фельдмаршалы. Февраля 25 совершился обрядъ коронованія; по случаю сего торжества Императоръ явилъ многія милости, и чинамъ правительственнымъ, и народу: Князь Иванъ Юрьевичь Трубецкой по-

жалованъ Фельдмаршаломъ, Генералъ Минихъ возведенъ въ Графское Россійской Имперіи достоинство, а Виллимъ Генингъ и Владиміръ Петровичь Шереметевъ, произведены въ Генералъ-лейтенанты (65); народу отпущены недоимки и сборъ подушныхъ денегъ за Майскую треть; съ виновныхъ сложены штрафы, а преступникамъ даровано облегченіе въ наказаніяхъ (66).

5. *Подметное письмо въ оправданіе Князя Меншикова.*

Со времени прибытія Петра II въ Москву и послѣ его коронаціи, всѣмъ уже сдѣлалось видимо рѣшительное преобладаніе Князей Долгорукихъ, которые и сами давали это чувствовать своимъ высокомѣріемъ и самоувѣренностію. Они не боялись уже никого и ничего, какъ одно обстоятельство внезапно потревожило ихъ и устрашило, хотя и не на долго: 24 Марта у Спасскихъ воротъ найдено подметное письмо, надписанное на имя Государя и заключавшее въ себѣ, какъ сказано на оберткѣ, дѣло необыкновенной важности (67). По вскрытіи письма нашли, что это было не что иное, какъ хула на дѣйствія настоящаго правительства; въ семъ письмѣ оправдывали систему управленія Меншикова, выставляли его великія способности, многолѣтнюю опытность и глубокія знанія въ дѣлахъ,

и утверждали, что безъ него не можетъ Государь правительствовать съ достоинствомъ и славою, и что по тому необходимо возвратить его. Самъ ли Меншиковъ писалъ это письмо, или по его внушенію друзья его дѣйствовали въ его пользу и покушались произвесть новую перемѣну въ правленіи; не было ли это дѣйствіемъ ненависти къ Долгорукимъ и попыткою враговъ ихъ къ ихъ низложенію? По повелѣнію Императора дѣланы строжайшія изслѣдованія и поиски къ открытію виновныхъ; донесли ему, правильно или ложно, что духовникъ Царицы—Бабки, подкупленный Меншиковымъ, былъ сочинителемъ письма; обвиненный наказанъ, какъ государственный преступникъ.

Ссылка Меншикова въ Сибирь, и его кончина.

Меншикова повелѣно было перемѣстить изъ Ораніенбурга въ Березовъ, съ счастливыхъ береговъ тихаго Дона на пустынные берега Оби. Супруга его, истомленная горемъ, отъ слезъ лишившаяся зрѣнія, изнемогла подъ бременемъ несчастія; она скончалась на пути(68); сестра ея Варвара Михайловна отправлена въ дальній монастырь на вѣчное заключеніе, и Меншиковъ, уже безъ всякихъ надеждъ въ жизни, съ обѣими дочерьми и сыномъ, единственною теперь для него отрадою, прибылъ въ Березовъ, отселѣ знаменитый

цѣлымъ рядомъ почетныхъ изгнанниковъ, попеременно здѣсь смѣнявшихъ другъ друга.

Здѣсь въ удаленіи отъ цѣлаго міра Меншиковъ явилъ свѣту столько же безпредѣльной покорности къ Провидѣнію и столько же величія души посреди бѣдствій, сколько прежде на высотѣ счастія своего показывалъ неукротимой жестокости и кичливости необузданной; съ терпѣніемъ, безропотно переносилъ онъ ударъ судьбы, поразившій его въ концѣ его политическаго и земнаго поприща; скорбѣлъ только о будущей участи любимыхъ дѣтей своихъ, и съ жестокимъ страданіемъ душевнымъ оплакалъ рановременную смерть своей дочери Княжны Маріи, которую честолюбіе его вело на высоту блистательнѣйшаго трона, а неисповѣдимый Промыслъ повергъ въ мрачную могилу на льдистой равнинѣ Оби, какъ бы въ отмщеніе отцу ея за безумное его властолюбіе. Эту послѣднюю потерю могъ считать Меншиковъ очистительною жертвою за всѣ вины свои предъ Богомъ и Россіею, и, предъ своею смертію, послѣдовавшею 22 Октября 1729 года, могъ утѣшаться мыслію, что современники, самые враги его, примирятся съ его именемъ, и, по уваженію его тяжкихъ страданій, простятъ ему грѣхи страстей его, а потомство достойно оцѣнитъ чудную жизнь его и славные подвиги, имъ совершенные на пользу отечества.

Взглядъ на жизнь Князя Меншикова, на его заслуги и вины предъ отечествомъ.

Князь Меншиковъ принадлежитъ къ числу величайшихъ мужей нашей исторіи; доселѣ необъяснены вѣрно ни время и мѣсто его рожденія, ни первобытное состояніе его; одно извѣстно то, что въ первыя лѣта юности своей онъ умѣлъ уже остановить на себѣ вниманіе великаго Монарха; почти съ самаго появленія своего, въ теченіе 30 лѣтъ, Меншиковъ былъ постоянно ревностнымъ сподвижникомъ Петра I, умнымъ совѣтникомъ во всѣхъ преобразовательныхъ его дѣйствіяхъ, и часто самъ непосредственнымъ виновникомъ побѣдъ и торжествъ народныхъ. Рускіе съ изумленіемъ смотрѣли на дивную судьбу сего *новаго* человѣка; видѣли его сметливымъ и усерднымъ потѣшнымъ въ селѣ Преображенскомъ, неутомимымъ корабельнымъ плотникомъ на верфяхъ Голландскихъ, понятливымъ и прилежнымъ ученикомъ и собесѣдникомъ Рюйша, Кегорна и Витсена, ловкимъ наблюдателемъ чужеземныхъ учрежденій, самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Государя въ правильнѣйшемъ устроеніи военныхъ силъ, и храбрымъ товарищемъ или поручикомъ своего вѣнценоснаго бомбардирскаго капитана; видѣли по томъ быстрое его восхожденіе съ одной степени почестей и достоинствъ на другую еще высшую, и безпрестанно возра-

ставшее довѣріе и любовь къ нему Государя; Меншиковъ сдѣлался для Петра *дитя сердца Его, любезный Алексаша, другъ — Данилычъ—*, титла самыя лестныя, какія подданный могъ заслужить отъ своего Монарха; и это довѣріе со стороны Петра не было слѣдствіемъ слѣпой привязанности и безотчетнаго благоволенія къ любимцу, не было дѣйствіемъ простаго случая или счастія Меншикова. Не льзя указать ни одного рода дѣлъ государственныхъ, въ которыхъ бы онъ не участвовалъ, ни одной части управленія, въ которой бы онъ не обнаружилъ и знаній обширныхъ, и свѣтлаго ума своего. Подъ стѣнами Нотебурга, при взятіи Канцевъ и въ первой судовой битвѣ у Канонерскаго острова, онъ явилъ себя неустрашимымъ воиномъ; подъ Калишемъ и Батуринымъ, подъ Полтавою и при Переволочнѣ, знаменитымъ военачальникомъ, а въ Польшѣ, Помераніи, въ Гамбургѣ и Голштиніи, уже цѣлая Европа видѣла въ немъ счастливаго вождя — дипломата. Столь же разнообразна была и правительственная гражданская его дѣятельность: подъ его главнымъ наблюденіемъ возведены укрѣпленія С. Петербурга, Кронштата и Кроншлота; отъ него, какъ перваго Генералъ - Губернатора Ингерманландіи, получилъ сей новопріобрѣтенный край правильную организацію; съ нимъ Государь совѣщался объ учрежденіи Сената и Коллегій; по его идеямъ составлены и изданы многія государственныя учрежденія и законоположе-

нія, какъ при Петрѣ I, такъ и послѣ его кончины; при Екатеринѣ I и въ началѣ царствованія Петра II онъ былъ единственнымъ распорядителемъ судебъ царства Рускаго, и оно было сильно и могущественно по прежнему; управленіе его было стройно, по крайней мѣрѣ, порядочнѣе, нежели какимъ оно сдѣлалось послѣ удаленія Меншикова.

Воздавая должное великимъ его достоинствамъ государственнымъ, не льзя умолчать и о тѣхъ качествахъ, которыя, помрачая память его въ потомствѣ, навлекли ему ненависть современниковъ и были причиною его уничиженія и страданій. Жестокосердіе, гордость, властолюбіе и корыстолюбіе, господствовавшія въ немъ страсти, отвратили отъ него сердца современниковъ и поставили его виновнымъ предъ судомъ потомства безпристрастнаго. Впрочемъ, и сіи самые недостатки составляютъ нѣкоторымъ образомъ естественное слѣдствіе или выводъ всей его жизни. Природа надѣлила его щедро всѣми своими дарами, умомъ проницательнымъ и твердою волею; но дары сіи не развиты были воспитаніемъ, котораго онъ не имѣлъ вовсе: зрѣлище свѣта образовало его умъ, служебная жизнь близь Царя — Генія набогатила его опытностію и знаніями; но люди, съ которыми и на которыхъ онъ дѣйствовалъ, не могли смягчить его сердца, и невѣжественнымъ упорствомъ своимъ ожесточили сильный и твердый отъ природы характеръ его, и эта сила

воли и твердость характера обратилась по томъ, для него самаго незамѣтно, въ насильственное своеволіе и жестокосердіе. Безпрерывные успѣхи по службѣ, необыкновенно быстрое его возвышеніе, счастіе, вѣнчавшее всѣ его начинанія, и чувство своего достоинства, породили въ немъ благородную гордость, которая, будучи питаема ласкательствомъ и угодливостію пресмыкавшихся предъ *Его Высококняжескою Свѣтлостію* царедворцевъ, переродилась въ необузданную кичливость и высокомѣріе, нестерпимое для не многихъ благородномыслившихъ, и ненавистное для всѣхъ. Болѣе 25 лѣтъ Меншиковъ, употреблявшійся въ важнѣйшихъ дѣлахъ правительственныхъ, пользовался огромными полномочіями и властію: предводительствовалъ войсками, управлялъ обширными областями, первенствовалъ въ Сенатѣ, въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, и свыкся съ повелительствомъ и господствомъ до того, что власть и обладаніе властію сдѣлались необходимою потребностію души его; Петръ Великій умѣлъ обуздывать его властолюбіе, напротивъ Екатерина I указала новую цѣль его властолюбивымъ замысламъ; Петръ II поставилъ его на такую высоту, на которой всякая новая попытка далѣе, выше, была уже преступленіемъ и вела къ паденію, къ гибели. Меншиковъ не устоялъ — но въ паденіи своемъ, не смотря на преступность свою предъ Государемъ и законами,

онъ сохранилъ бы высокій характеръ, ежели бы явился чистымъ отъ страстей мелкихъ, его недостойныхъ; къ сожалѣнію, онъ обладаемъ былъ ненасытнымъ корыстолюбіемъ, страстію, столько же неизъяснимою, какъ и преступною, особенно въ человѣкѣ, имѣвшемъ отъ щедротъ Царскихъ все до излишества. Эта недостойная страсть подвергала его нѣкогда гнѣву Петра Великаго и даже опасности наказанія строгаго: »Но правосудіе требуетъ, сказалъ Петръ I, взвѣсить безпристрастно какъ преступленія виновнаго, такъ и заслуги, имъ оказанные отечеству и Государю, и ежели заслуги перевѣсятъ, то милость да похвалится на судѣ.« Вотъ мудрый приговоръ, которымъ надлежало бы руководствоваться и Петру II; но оскорбленное самолюбіе Долгорукихъ жаждало мщенія; Меншиковъ въ Украинѣ казался имъ еще страшенъ, надобно было забросить его въ лѣса Сибири. Судьба его свершилась: пигмеи одолѣли исполина, уже изъязвленнаго и обезсиленнаго!

И такъ, подметное письмо, имѣвшее кажется цѣлію не столько возстановить Меншикова, сколько повредить Долгорукимъ, не имѣло ожиданныхъ послѣдствій, напротивъ послужило только къ упроченію ихъ вліянія и власти. Вскорѣ послѣ сего Долгорукіе господствовали уже безъ совмѣстниковъ.

Періодъ исключительнаго господства Князей Долгорукихъ.

Въ періодѣ исключительнаго господства Князей Долгорукихъ, объемлющій все остальное время царствованія Петра II, надлежитъ съ особеннымъ вниманіемъ разобрать три важнѣйшіе предмета: 1) состояніе Государя и высшихъ правительственныхъ лицъ, 2) разнообразное сцѣпленіе Дворскихъ козней и 3) мѣры правительственныя къ благоустройству народному.

1. *Состояніе Государя и высшихъ правительственныхъ лицъ.*

Петръ II, съ самаго прибытія своего въ Москву, почти вовсе оставилъ обычныя дотолѣ занятія свои съ Остерманомъ и съ своими наставниками. Первое время пребыванія его въ древней столицѣ посвящено было на приготовленія къ коронаціи и на ознакомленіе народа съ Царемъ; Государь являлся повсюду, и повсюду встрѣчаемъ былъ съ изъявленіями необыкновенныхъ, искреннихъ восторговъ; красивая наружность, величественный станъ, здоровое тѣлосложеніе и умная физіогномія Императора, радовали Рускихъ и казались имъ вѣрными залогами продолжительнаго и прочнаго счастія Россіи. Послѣ коронаціи Государь веселилъ своихъ вельможъ

богатыми пиршествами при Дворѣ своемъ, вельможи Рускіе и послы иностранные попеременно уготовляли для него различныя увеселенія и потѣхи; народъ Московскій, угощаемый на Дѣвичьемъ полѣ и подъ стѣнами палатъ Царскихъ, славилъ ласковаго и милостиваго Государя; славили его и всѣ жители обширныхъ областей царства Рускаго за разныя льготы и милости, имъ дарованныя. Но не продолжительно было очарованіе; скоро другіе слухи, другіе толки, начали разноситься въ народѣ, и мѣсто радостныхъ надеждъ заступила боязнь будущаго и безнадежность.

Долгорукіе, владѣя неограниченнымъ довѣріемъ Государя, но страшась еще соперниковъ, старались, или безотлучно быть при Немъ, или держать его у себя; никому не было доступа къ Императору иначе, какъ чрезъ ихъ посредство; не было давано ни одной аудіенціи, ни публичной, ни частной, на которой бы подлѣ Государя не стояли Долгорукіе; сама Царица — бабка не могла видѣться съ своимъ внукомъ на единѣ, — они, опасаясь отъ нее внушеній, имъ неблагопріятныхъ, всегда были свидѣтелями бесѣдъ ея съ Императоромъ.

Чтобы удалить Государя отъ докучливыхъ представленій Остермана и избавить его отъ неизбѣжныхъ встрѣчь съ членами Верховнаго Совѣта и съ почетнѣйшими царедворцами, Князь Алексѣй Григорьевичь сталъ часто увозить его изъ Москвы, и забавляя его охо-

тою (69) въ лѣсныхъ дачахъ подмосковныхъ, продолжалъ отсутствіе его изъ столицы на нѣсколько дней, и не рѣдко на цѣлыя недѣли. Петръ II до такой степени пристрастился къ охотѣ, что бѣгая или разъѣзжая по лѣсу съ ранняго утра до поздняго вечера, онъ часто проводилъ и ночи подъ открытымъ небомъ въ разкинутыхъ нарочно шатрахъ по опушкѣ лѣса; часъ обѣда и глубокая ночь были единственнымъ временемъ для его отдохновенія. По окончаніи охотничьихъ разъѣздовъ Императоръ со всею свитою своею пріѣзжалъ въ село Горенки, принадлежавшее Князю И. А. Долгорукому и служившее обыкновеннымъ сборнымъ мѣстомъ всей *охотничей компаніи*, которая состояла всегда только изъ родственниковъ или искреннихъ друзей Долгоруковской фамиліи; въ этомъ избранномъ кругу, за роскошнымъ и шумнымъ обѣдомъ, веселили Государя похвалами его ловкости и искуству въ стрѣльбѣ, перечисляли его удачи и радовали новыми планами новыхъ поѣздовъ; о дѣлахъ государственныхъ, о высокихъ обязанностяхъ царственныхъ, не было и помина; Императоръ, истощая физическія свои силы въ утомительныхъ прогулкахъ, не имѣлъ ни охоты, ни возможности развивать силы умственныя и усовершать свой разумъ ученіемъ и науками. Такъ прошли лѣто и осень 1728 года. Петръ II, полюбивъ Москву и образъ жизни Бояръ, его

окружавшихъ, не думалъ о возвращеніи въ С. Петербургъ.

Баронъ Остерманъ, заботившійся о сохраненіи за Россіею той высокой степени политической значительности, на которую возвелъ ее Петръ Великій, представлялъ Государю о надобности скораго отъѣзда изъ Москвы и о переселеніи въ новую столицу, убѣждалъ и Долгорукихъ склонять къ тому Императора. Но представленія и убѣжденія Остермана остались безъ дѣйствія; Петръ рѣдко видѣлъ его, съ намѣреніемъ уклонялся отъ свиданій съ нимъ и представленія его считалъ обидною для себя докукою, а Долгорукіе имѣли корыстные виды удерживать Государя въ Москвѣ, слѣдственно настоянія Остермана не убѣждали, а только раздражали ихъ. Остерманъ, видя совершенное къ себѣ охлажденіе Императора и страшась лишиться власти, оставилъ дальнѣйшія попытки, заключился въ своемъ кабинетѣ и рѣдко являлся въ собраніяхъ Совѣта и Двора, клятвенно обѣщалъ Долгорукимъ дѣйствовать впредь съ ними за одно, и со слезами на глазахъ умолялъ ихъ не лишать его своей дружбы.

Впрочемъ, въ концѣ 1728 года Остерманъ началъ снова надѣяться, что Императоръ и безъ его представленій выѣдетъ наконецъ изъ Москвы; ему казалось, что несчастіе, постигшее Домъ Императорскій, должно было охладить пристрастіе Государя къ сему городу: 22 Ноября скончалась Великая Княжна Ната-

лія Алексѣевна, послѣ продолжительныхъ душевныхъ и физическихъ страданій (70). Охлажденіе къ ней нѣжно любимаго ею брата — Императора было началомъ сихъ страданій; отчужденіе его отъ дѣлъ управленія и безпрерывныя отлучки изъ столицы усиливали душевную скорбь ея, а явное наглое пренебреженіе, оказываемое къ ней Долгорукими, и злоупотребляемое ими довѣріе къ нимъ Государя, растерзали чувствительное ея сердце. Боль душевная произвела недугъ тѣлесный; въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ она мучилась припадками изнурительной лихорадки, обратившейся въ чахотку. Наталія, скончавшаяся на 15 году своего возраста, унесла съ собою во гробъ искреннее уваженіе и любовь всѣхъ благомыслящихъ Рускихъ; по сказанію иностранцевъ, къ ней близкихъ, она была драгоцѣннѣйшимъ перломъ Россіи (71). Императоръ казался безутѣшнымъ, рыдалъ, не спалъ ночи, и выѣхалъ изъ Слободскаго Дворца, гдѣ дотолѣ жилъ онъ вмѣстѣ съ Великою Княжною. Ему бы надлежало выѣхать и изъ Москвы, гдѣ все напоминало ему о невознаградимой утратѣ; этого надѣялся Остерманъ, объ этомъ просили его Графъ Вратиславъ, Дюкъ де Лирія и другія дипломатическія лица, въ Россіи тогда пребывавшія.

Но Долгорукіе обще съ другими Боярами, нелюбившими Петербурга, умѣли отклонить исполненіе сихъ прозьбъ. Въ началѣ 1729 года, по совершеніи печальной церемо-

тельства и народа, были однакожь люди, которымъ удавалось, хотя намеками, доводить до свѣденія Императора негодованіе народа на его бездѣйственность и особенно на преступное поведеніе Долгорукихъ, умышленно отвлекавшихъ его отъ успѣшнаго окончанія воспитанія, такъ счастливо начатаго подъ руководствомъ Остермана. Сперва Цесаревна Елисавета, а потомъ Нарышкинъ, осмѣливались вразумлять Государя на счетъ его обязанностей и предостерегать его отъ вредныхъ привычекъ, внушаемыхъ ему Долгорукими.

Долгорукіе, зорко наблюдавшіе за поступками Елисаветы, скоро подсмотрѣли ея слабости, и успѣли очернить ее въ глазахъ Петра до того, что онъ началъ публично показывать ей свое отвращеніе и непріязнь къ ней. Еще въ Августѣ 1728 года, въ день тезоименитства Великой Княжны Наталіи, во время великолѣпнаго пиршества при Дворѣ, Императоръ обнаружилъ предъ всѣми чувства свои къ Цесаревнѣ, не удостоивъ ее даже словомъ или привѣтствіемъ; то же пренебреженіе, такую же обидную холодность показалъ онъ ей 5 Сентября въ день ея тезоименитства: явившись, по ея приглашенію, къ вечернему у ней собранію, скоро ушелъ даже не простившись съ нею. По такому же чувству непріязни отвергъ онъ предложеніе Маркграфа Бранденбургъ-Байрейтскаго, искавшаго руки Елисаветы. И приближенные къ Цесаревнѣ подверглись гоненію Импера-

ремъ, какъ бы не существовалъ; съ Февраля собранія онаго прекратились; да и не кому было собираться: Графъ Апраксинъ умеръ еще въ Ноябрѣ 1728 года; его мѣсто въ Совѣтѣ осталось незамѣщеннымъ, и званіе Генералъ-Адмирала упразднилось съ его кончиною; Графъ Головкинъ страдалъ подагрою и нигдѣ не являлся; Князь Голицынъ, оскорбленный неудачами своими, сказывался больнымъ и не принималъ никакихъ дѣлъ къ своему разсмотрѣнію; Баронъ Остерманъ, искренно плакавшій надъ гробомъ Великой Княжны, еще безутѣшнѣе былъ объ участи своего питомца, изторгнутаго изъ подъ его вліянія и власти; и онъ, подъ предлогомъ болезни, истинной или притворной, не занимался дѣлами; Долгорукимъ, Князю Василію Лукичу и Князю Алексѣю Григорьевичу, было не до дѣлъ: они должны были тѣшить Государя и обдумывать планы къ большему еще возвышенію своей фамиліи.

При такой невольной бездѣйственности Верховнаго Совѣта можно ли было ожидать порядка въ вѣдомствахъ, ему подчиненныхъ? Могли ли быть въ судахъ правда и огражденіе народу? Царедворцы крамольничали, народъ роптал и жаловался громогласно, но безъ услышанія.

2. *Дворскія крамолы.*

Во время этого самозабвенія Государя, среди такого хаотическаго состоянія прави-

тельства и народа, были однакожь люди, которымъ удавалось, хотя намеками, доводить до свѣденія Императора негодованіе народа на его бездѣйственность и особенно на преступное поведеніе Долгорукихъ, умышленно отвлекавшихъ его отъ успѣшнаго окончанія воспитанія, такъ счастливо начатаго подъ руководствомъ Остермана. Сперва Цесаревна Елисавета, а потомъ Нарышкинъ, осмѣливались вразумлять Государя на счетъ его обязанностей и предостерегать его отъ вредныхъ привычекъ, внушаемыхъ ему Долгорукими.

Долгорукіе, зорко наблюдавшіе за поступками Елисаветы, скоро подсмотрѣли ея слабости, и успѣли очернить ее въ глазахъ Петра до того, что онъ началъ публично показывать ей свое отвращеніе и непріязнь къ ней. Еще въ Августѣ 1728 года, въ день тезоименитства Великой Княжны Наталіи, во время великолѣпнаго пиршества при Дворѣ, Императоръ обнаружилъ предъ всѣми чувства свои къ Цесаревнѣ, не удостоивъ ее даже словомъ или привѣтствіемъ; то же пренебреженіе, такую же обидную холодность показалъ онъ ей 5 Сентября въ день ея тезоименитства: явившись, по ея приглашенію, къ вечернему у ней собранію, скоро ушелъ даже не простившись съ нею. По такому же чувству непріязни отвергъ онъ предложеніе Маркграфа Бранденбургъ - Байрейтскаго, искавшаго руки Елисаветы. И приближенные къ Цесаревнѣ подверглись гоненію Импера-

тора: Бутурлинъ, пользовавшійся особенною ея благосклонностію, удаленъ былъ съ полками въ Украину (въ Апрѣлѣ 1729), подъ предлогомъ надобности усилить армію Фельдмаршала Князя Голицына. Съ половины 1729 года Елисавета осталась безъ партіи, безъ подпоры, безъ значенія, и даже подъ стѣснительнымъ надзоромъ Долгорукихъ.

Александръ Львовичь Нарышкинъ держалъ себя независимымъ отъ всѣхъ партій и считалъ ниже своего достоинства спорить о первенствѣ, которое принадлежало ему по праву его рожденія. — Дѣйствительно, Нарышкины, со времени царствованія Петра Великаго пользовались при Дворѣ преимуществами, предоставляемыми обыкновенно Принцамъ крови; во всѣхъ торжественныхъ выходахъ они шли рядомъ съ владѣтельными Князьями Германскими, и вообще считались членами Царскаго дома, слѣдственно фамилія Нарышкиныхъ въ глазахъ Россіи была высшею предъ всѣми Княжескими и Графскими. По симъ родственнымъ отношеніямъ Александръ Львовичь позволялъ себѣ говорить съ Императоромъ съ полною откровенностію и свободою, и смѣло укорялъ его за праздность и занятія, его недостойныя.

Эта откровенность Нарышкина направлена была прямо на Долгорукихъ; они спѣшили избавиться отъ докукъ его; объявлено ему (въ Ноябрѣ 1728) отъ имени Государя повелѣніе оставить Москву и жить въ Подмо-

сковныхъ его деревняхъ; могло ли быть трудно Долгорукимъ одолѣть Нарышкина, когда они успѣли отлучить Императора отъ сестры и тетки его, лицъ болѣе ему любезныхъ? Нарышкинъ, раздраженный несправедливою опалою, не преставалъ и въ ссылкѣ говорить о непорядкахъ правительственныхъ, и говорилъ не только по прежнему свободно, но даже дерзко, какъ горько обиженный и безвинно страждущій; въ запальчивости своей онъ не щадилъ самаго Императора и не уважая святости его сана *неоднократно поносилъ и бранилъ его неподобными словами* (73). Въ то время, какъ Петръ II забавлялся охотою близь села Чашникова, гдѣ жилъ Нарышкинъ, предложено было Александру Львовичу свиданіе съ Государемъ и доставленъ случай примириться съ нимъ и испросить прощеніе; Нарышкинъ съ презорствомъ отвергъ предложеніе (74). Сіе открытое неуваженіе къ Высочайшей власти и дерзкія рѣчи его, переданныя Государю, подвергли его суду по законамъ. Нарышкинъ позванъ въ Верховный Тайный Совѣтъ и былъ въ опасности подпасть розыску или пыткамъ; *но Его Императорское Величество, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ оное дѣло розыскомъ вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не моглобъ разгласиться и въ народѣ разсѣяно быть, того ради Его Величество указалъ послать его Нарышкина въ дальнюю его деревню*

безвыходно (75). Допросъ Нарышкину и судъ надъ нимъ производился не въ полномъ собраніи Верховнаго Совѣта, а только двумя Членами: Остерманомъ и Княземъ В. Л. Долгорукимъ. Нарышкинъ отправленъ на житье въ Шацкую его деревню. По свидѣтельству лицъ, прикосновенныхъ къ процессу Нарышкина и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ, Долгорукіе показали себя при семъ случаѣ не только злобными и мстительными, но готовыми посягнуть на чужое достояніе или преступно-корыстными: они чрезъ агентовъ своихъ велѣли объявить Нарышкину, что *когда де онъ отдастъ имъ двѣ вотчины свои Покровское да Кунцово, то де будетъ по прежнему въ Москвѣ* (76). Нарышкинъ съ негодованіемъ отвергнулъ постыдное предложеніе и отъ того остался въ опалѣ до самой смерти Петра II.

Не страшась уже ничего со стороны Цесаревны Елисаветы и удаливъ Нарышкина, Долгорукіе опять потревожены были Голицынскою партіею. Въ числѣ Камергеровъ Двора, часто по обязанности сопровождавшихъ Императора на охоту, находился Князь Сергій Дмитріевичь Голицынъ, бывшій до Сентября 1727 года посланникомъ нашимъ въ Испаніи. Онъ умѣлъ понравиться Государю до такой степени, что Петръ началъ оказывать ему явное предпочтеніе предъ всѣми и удостоивалъ его особеннаго собесѣдничества и довѣрія. Онъ можетъ сдѣлаться

любимцемъ Государя; отецъ его, Князь Дмитрій Михайловичь, можетъ чрезъ то захватить всю власть и овладѣть дѣлами Совѣта: — такъ разсуждали Долгорукіе, и спѣшили благовидно выпроводить его не только изъ Москвы, но и изъ Россіи; въ началѣ Сентября 1729 онъ наименованъ посланникомъ ко Двору Берлинскому, куда прежде предполагали отправить Князя Александра Борисовича Куракина.

Съ сего времени Князь Алексѣй Григорьевичь смѣлѣе началъ развивать любимую мысль свою, бывшую доселѣ тайною мечтою, которой долго не смѣлъ онъ повѣрить даже и сыну своему, Князю Ивану; этой мечтѣ принесъ онъ все на жертву: и собственное свое спокойствіе, и благо общественное; онъ не могъ не видѣть всеобщаго негодованія бояръ, не могъ не слышать отголосковъ народной ненависти къ себѣ за погубленіе добрыхъ нравовъ юнаго Государя, такъ много обѣщавшаго въ началѣ своего царствованія. Долгорукій чувствовалъ, что онъ погибнетъ рано или поздно, ежели не оградитъ себя щитомъ, который сохранилъ бы его невредимымъ отъ всѣхъ ударовъ заслуженной имъ ярости народной. Такимъ щитомъ полагалъ онъ родство съ Императоромъ. Примѣръ Меншикова не вразумилъ и не устрашилъ Долгорукаго; и онъ, подобно своему предшественнику, мечталъ видѣть дочь свою супругою Императора, и можетъ быть, привѣтствовать ее

нѣкогда самодержавною Екатериною Алексѣевною Второю. Увидимъ, какъ поразительно сходна была послѣдняя судьба обоихъ временщиковъ, безконечно различныхъ между собою въ жизни и дѣлахъ своихъ!

Въ день Рождества Богородицы, 8 Сентября 1729 года, Императоръ выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи только семейства Долгорукихъ, и возвратился не ранѣе 9 Ноября. Москвитяне привыкли уже къ постояннымъ отлучкамъ Государя; но такое продолжительное его отсутствіе изъ столицы изумило ихъ, особенно потому, что 12 Октября, день своего рожденія, Петръ II дотолѣ праздновалъ всегда въ кругу всего Двора своего и посреди народа. Два мѣсяца провелъ онъ въ домѣ и въ семействѣ Долгорукаго. Князь Алексѣй, безъ помѣхи во все это время дѣйствовавшій одинъ на умъ и сердце Государя, успѣлъ укоренить въ немъ привязанность къ старинѣ, утвердить ненависть къ полезнымъ учрежденіямъ дѣда его и внушить ему отвращеніе отъ связей съ иностранными державами. Онъ представлялъ Императору, что бракъ съ Принцессою Брауншвейгъ-Бевернскою, предлагаемый ему Графомъ Вратиславомъ (77), не совмѣстенъ съ его достоинствомъ Императорскимъ, и при томъ, что родственныя связи съ Дворомъ иноземнымъ были виною первыхъ несчастій его родителя, Царевича Алексѣя Петровича. Сіи хитрыя внушенія и ловкія намеки произвели вполнѣ то дѣй-

ствіе, какого ожидалъ Князь Алексѣй. Петръ II, въ порывѣ юношеской, необдуманной признательности къ своему воспитателю, изъявилъ волю свою на вступленіе въ бракъ съ его дочерью, Княжной Катериной Алексѣевной.

Въ Москвѣ не знали еще навѣрно, но уже угадывали происшедшее въ домѣ Долгорукихъ; долговременное отсутствіе Государя подало поводъ къ толкамъ, къ предположеніямъ; многіе изъ вельможъ предсказывали, чему необходимо случиться должно, и не обманулись. Чрезъ десять дней послѣ возвращенія своего въ столицу, Петръ, 19 Ноября, собравъ членовъ Верховнаго Совѣта и всѣхъ почетнѣйшихъ сановниковъ, военныхъ и гражданскихъ, объявилъ имъ торжественно о намѣреніи своемъ вступить въ супружество съ старшею дочерью Князя Алексѣя Григорьевича; 24, въ день тезоименитства Княжны Катерины Алексѣевны, всѣ высшіе чины Русскіе и всѣ Министры иностранные приносили ей поздравленіе, какъ невѣстѣ Государевой; 30 Ноября назначено было днемъ обрученія. Долгорукіе торжествовали вполнѣ; казалось, они достигли крайняго предѣла величія и счастія человѣческаго.

3. *Мѣры правительственныя къ благоустройству народному.*

Но прежде, нежели увидимъ развязку этой великой драмы государственной, посмо-

тримъ, какъ и чѣмъ держалась Россія въ этотъ полуторагодичный періодъ времени, когда Государь помышлялъ не о правленіи, а о потѣхахъ, а царедворцы его заботились не о его славѣ и чести, а о собственной корысти, и когда верховныя правительственныя лица и вѣдомства, раздѣленныя крамолами, казалось, бросили кормило правленія и оставили царство на жертву безуправной анархіи. Провидѣніе хранило Россію! И въ этотъ печальный періодъ времени были люди, которые будучи вѣрны совѣсти и долгу своему, и чуждаясь крамолъ, помышляли единственно о чести отечества, и патріотическими усиліями своими поддерживали добрый порядокъ внутри и безопасность извнѣ.

а) *Мѣры къ сохраненію внѣшней безопасности.*

Генералъ-майоръ Иванъ Максимовичь Шуваловъ (78), по званію Оберъ-Коменданта Выборгскаго, начальствовалъ войсками, расположенными на Финляндской границѣ и завѣдывалъ всѣми укрѣпленіями нашими по линіи отъ Финскаго залива до западныхъ береговъ Ладожскаго озера; благоразумными распоряженіями своими онъ успѣлъ не только соблюсти миръ съ сосѣдами, но даже пріучить ихъ къ дружественнымъ сношеніямъ торговымъ. Шведы, забывъ уже прежнія свои утраты, убѣдились въ выгодности дружбы съ Россіею, и по представленію нашего въ Шве-

ціи посланника Графа Николая Өедоровича Головина (79) безъ затрудненія предоставили Государю Россіи титулъ Императорскій на основаніи трактата 1723 года; Шведскій Министръ въ Россіи, Дитмаръ, торжественно (въ Августѣ 1729) поднесъ Петру II, отъ имени своего Короля, подтвердительный актъ признанія за Россіею достоинства Императорскаго.

Берега Балтійскаго моря, защищенные крѣпостями, охранялись сверхъ того и войсками сухопутными, расположенными въ разныхъ пунктахъ, начиная отъ устьевъ Невы до западной Двины. Управленіе Остзейскихъ провинцій, еще новыхъ для Россіи, ввѣрено было опытнымъ и надежнымъ Генераламъ, каковы: Григорій Петровичь Чернышевъ, Князь Григорій Алексѣевичь Урусовъ, Өедоръ Николаевичь Балкъ (80) и Дельденъ; въ послѣднее время царствованія Петра II не было не только опасности, даже никакого движенія на этой границѣ.

Со стороны Курляндіи, Литвы и Польши, безопасность не нарушалась; охраненіе сей границы ввѣрено было преимущественно Гетману Апостолу съ его Малороссійскими Козаками, и отряду военному, находившемуся въ командѣ Генераловъ Дупрея и Алексѣя Ивановича Панина, и расположенному около Смоленска, по верховьямъ Двины и Днѣпра. Сверхъ того въ Польшѣ почти постоянно пребывалъ агентомъ Двора нашего Генералъ-

*

лейтенантъ Урбановичь, долженствовавшій наблюдать за дѣйствіями Рѣчи Посполитой и Польскихъ сеймиковъ. Польшѣ предстоялъ переворотъ: Король Августѣ II отживалъ вѣкъ свой; выборъ ему преемника занималъ вниманіе Поляковъ и Державъ сосѣдственныхъ. Графъ Г. И. Головкинъ заключилъ съ Барономъ Мардефельтомъ трактатъ, коимъ утверждались прежнія пріязненныя связи Пруссіи съ Россіею, и обоимъ Дворамъ вмѣнялось въ обязанность, стараться совокупными силами, чтобы, въ случаѣ кончины Короля Августа, *на Королевской Польской престолъ такой сукцессоръ паки возведенъ былъ, которой бы какъ Польской вольности, такъ и сосѣдству не былъ опасенъ* (81).

Южная граница, начиная отъ Кіева чрезъ Слободскіе и Украинскіе городки и Донскія станицы до Царицына на Волгѣ, охраняема была цѣлою арміею, состоявшею подъ верховнымъ начальствомъ Генералъ-Фельдмаршала Князя М. М. Голицына. Отряды сей арміи, расположенные по всему пространству этой границы, долженствовали удерживать или отражать набѣги кочевыхъ народовъ: Генералы Михаилъ Ивановичь Леонтьевъ (82), Князь Алексѣй Ивановичь Шаховской и А. Б. Бутурлинъ, стояли противъ Крымцевъ и Нагайцевъ, а Генералъ Алексѣй Ивановичь Таракановъ, сидя на Дону *въ транжаментѣ*, наблюдалъ за Калмыками и Турками со стороны Азова и смотрѣлъ, *чтобъ отъ Донскихъ*

Козаковъ какой шатости и никакихъ противныхъ поступковъ не происходило (83).

Закавказскія, Петромъ Великимъ завоеванныя провинціи, управляемы были Княземъ В. В. Долгорукимъ, а по отбытіи его Генералъ-лейтенантомъ Васильемъ Яковлевичемъ Левашовымъ. Удержаніе сихъ земель за Россіею сопряжено было съ величайшими потерями въ людяхъ, не отъ непріятелей — миръ и здѣсь не былъ ничѣмъ возмущенъ — но отъ дѣйствія климата и натуры, непривычной Рускимъ воинамъ, которые не смотря на заботливость начальниковъ погибали во множествѣ. Сіи провинціи, важныя для торговли по Каспійскому морю, и ознакомившія насъ съ дорогими произведеніями Шамахіи и Гиляни, ознакомили также и съ естественнымъ бѣдствіемъ Востока: чума не разъ прорывалась въ Астрахань и грозила опустошеніемъ южнымъ областямъ Россіи. Въ это время усилены были карантинныя мѣры: заставы въ крѣпости Св. Креста, въ Кизлярѣ, Астрахани и Царицынѣ, задерживали проѣзжающихъ (84). Астраханскій губернаторъ Менгденъ и Царицынскій комендантъ Кольцовъ, справедливо считали свои посты опаснѣйшими, нежели военныя команды противъ непріятелей.

Казацкое поселеніе въ Сакмарскомъ городкѣ имѣло цѣлію охраненіе Уфимской провинціи отъ набѣговъ Киргизовъ и Каракалпаковъ. Сія провинція, составлявшая со временъ Петра I часть обширной губерніи

Казанской, образовала съ Іюля 1728 года особое вѣдомство подъ главнымъ наблюденіемъ Высокаго Сената (85). Бригадиръ Петръ Бутурлинъ назначенъ былъ туда Воеводою съ большими полномочіями. Эта провинція, равно какъ и Пермская, часто тревожимыя мятежническими возстаніями Башкирцевъ, начали съ сихъ поръ приходить въ большее благоустройство. По представленію и по планамъ Генералъ-лейтенанта Генина воздвигались здѣсь укрѣпленія по рѣкамъ Уфѣ, Бѣлой, Чусовой и Камѣ; города и важнѣйшія селенія обносились палисадами и снабжались артиллерійскими снарядами; на мѣстахъ возвышенныхъ разставлены были сигнальные маяки для возвѣщенія жителямъ о приближеніи непріятелей. Къ обезпеченію сихъ странъ и къ водворенію въ нихъ прочной тишины, вмѣстѣ съ властями правительственными дѣйствовали усердно и счастливо Бароны Строгоновы, богатые владѣльцы обширныхъ вотчинъ, изъ коихъ многія примыкали къ самымъ улусамъ Башкирскимъ. Не рѣдко вотчины сіи опустошаемы были грабительственными Башкирцами; для отраженія ихъ Строгоновы обратили многія селенія свои въ правильныя крѣпости и держали постоянно до 1500 *заобыкновенныхъ къ огненному оружію* человѣкъ или воиновъ изъ своихъ крестьянъ, которые ограждая безопасность и выгоды своихъ господъ несли службу полезную и самому государству. Въ уваженіе пользы, приносимой Строгоновыми,

правительство снабдѣвало ихъ воиновъ *надлежащею аммунищіею, фузеями, къ пальбѣ годными, порохомъ и свинцомъ* (86). Баронъ Александръ Строгоновъ находился по званію Камергера въ Москвѣ при лицѣ Государя, а братъ его Баронъ Николай жилъ у Соли-Камской въ своихъ вотчинахъ, сохранялъ однакожь права государственной службы, и болѣе Воеводъ Царскихъ способствовалъ къ устроенію сего обширнаго и драгоцѣннаго для Россіи края.

Сѣверная граница или огромная Архангелогородская губернія, охраняемая Новодвинскою крѣпостію со стороны моря, пользовалась въ это время полною безопасностію; но не смотря на сію безопасность, не смотря на умное правительствованіе губернаторовъ Ивана Михайловича Лихарева и Князя Семена Өедоровича Мещерскаго, сей край видимо упадалъ; смѣлыя торговыя предпріятія Барона Шафирова, пускавшаго компанейскія суда до Шпицбергена и Гренландіи, мало прибавляли къ благоденствію жителей; торговля Архангельска и всего вообще сѣвера упала совершенно; возрастаніе Петербурга, казалось, навсегда повергло сіи страны въ ничтожество и мертвенность.

Изъ сего обозрѣнія пограничныхъ странъ Имперіи видно, что мѣры правительства къ огражденію внѣшней безопасности были успѣшны: Россія наслаждалась миромъ и была въ

дружественныхъ сношеніяхъ со всѣми своими сосѣдами Европейскими и Азіятскими (87).

b) *Мѣры къ утвержденію внутренняго благоустройства.*

Для водворенія благоустройства и порядка внутри государства изданъ былъ Наказъ губернаторамъ и воеводамъ (88). Большею частію статей своихъ Наказъ сей служилъ только подтвержденіемъ Воеводской инструкціи 1719 года; но сходствуя во многомъ, сіи два законоположенія во многомъ и различествовали между собою, и именно:

1) Наказъ губернаторамъ несравненно обширнѣе Воеводской инструкціи не только числомъ статей, но и содержаніемъ своимъ, ибо въ немъ одномъ заключалось все то, что узаконено было въ четырехъ разныхъ постановленіяхъ: въ Инструкціяхъ Воеводамъ, Камерирамъ, Магистратамъ и Земскимъ Коммиссарамъ.

2) Въ Воеводской инструкціи Петра I точно обозначены были обязанности воеводъ и губернаторовъ, а въ Наказѣ Петра II, сверхъ сего обозначенія, постановлялись опредѣлительныя правила, какъ сіи обязанности наилучшимъ образомъ могли быть выполнены.

3) По силѣ Воеводской инструкціи, воеводы и губернаторы обязаны были дѣйствовать непосредственно по предмету сохраненія безопасности, благоустройства и благочинія,

и только не прямое имѣть наблюденіе по части судной и финансовой; а по смыслу Наказа, Губернаторы облечены были властію правительственною, полицейскою, судебною и финансовою; на нихъ лично и исключительно возложено было все то, что прежде раздѣлялось между Земскими Камерирами, Коммиссарами, Ландратами и Ландрихтерами.

Причина такого распространенія власти губернаторовъ и такого сосредоточенія всѣхъ дѣлъ управленія въ одномъ ихъ лицѣ почти исключительно, заключается въ указѣ 1727 года Марта 15. Императрица Екатерина I, полагая, что большое число правителей и канцелярій служитъ *къ великой тягости народной*, повелѣла какъ Надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ правителей, и канцеляріи ихъ и конторы, камерировъ и коммисаровъ, *вовсе отставить и положить всю расправу и судъ на Губернаторовъ и Воеводъ.* Такою же мыслію руководствовалось и правительство Петра II, и въ такомъ духѣ начертало оно свой Наказъ губернаторамъ. Какъ въ губерніи все сосредоточивалось въ лицѣ губернатора, такъ въ провинціи все зависѣло отъ провинціяльнаго воеводы, который самъ состоялъ подъ указами губернатора; уѣздное и городовое управленіе, по всѣмъ различнымъ отраслямъ онаго, ввѣрено было городовому воеводѣ, подъ наблюденіемъ провинціяльнаго и подъ главнымъ начальствомъ губернатора.

Слѣдствіемъ такой безмѣрной власти, пре-

доставленной по закону губернаторамъ, было ихъ самоуправство, беззаконныя стяжанія и насилія. При безпечной слабости Государя и при разномысліи верховныхъ правительствъ, губернаторы, особенно покровительствуемые свыше, могли себѣ позволять, и дѣйствительно позволяли, произвольныя, стѣснительныя для народа распоряженія, и часто расхищали для прихотей своихъ, какъ частное достояніе жителей, такъ и доходы государственные. Казанскій губернаторъ Волынскій оставилъ по себѣ надолго память насильственно-жестокаго и ненасытно-корыстнаго правителя (89).

Въ тоже время, какъ составлялся Наказъ губернаторамъ, Верховный Тайный Совѣтъ изъявилъ торжественно высокую мысль, которая такъ долго занимала Великаго Петра: повелѣно было *выслать* въ столицу изъ каждой губерніи по пяти депутатовъ, *добрыхъ и знающихъ людей*, по выбору Дворянства; сіи депутаты должны были разсмотрѣть старые законы, разобрать всѣ указы и новоуказныя статьи, и пополнивши ихъ новыми узаконеніями, составить *всеполное уложеніе, дабы во всемъ государствѣ былъ судъ равный и справедливый безъ всякія волокиты* (90). Это благое намѣреніе не приведено было въ исполненіе.

c) *Мѣры къ усиленію народной промышленности.*

Самыми успѣшными дѣйствіями и благодѣтельнѣйшими мѣрами, предпринятыми и

совершенными въ сіе время, должны считаться тѣ, которыя клонились къ оживленію или усиленію народной промышленности и къ открытію новыхъ источниковъ богатства государственнаго.

Графъ Минихъ, управляя столицею во время отсутствія Императора, дѣятельно занимался также и окончаніемъ великаго порученія, возложеннаго на него еще Петромъ Великимъ. Ладожскій каналъ, прокопанный и уже открытый для плаванія отъ города Ладоги до устьевъ рѣки Кабоны, въ теченіе 1728 и 1729 годовъ продолжаемъ былъ отъ Кабоны до Назіи и отъ Назіи до Шлиссельбурга. *Канальныя* работы по всему протяженію производились частію вольнонаемными работниками, частію полками; до 4.000 солдатъ употреблено было на сіе дѣло; въ 1729 году ассигновано было 220.000 рублей для окончательнаго выполненія сего благодѣтельнаго предположенія. Судамъ, проходившимъ водами готовой части канала, Ладожскимъ озеромъ и Невою, повелѣно было оказывать всякое вспоможеніе, какъ во время слѣдованія ихъ къ мѣсту назначенія, такъ и по прибытіи въ С. Петербургъ. Для безопаснаго шествія судовъ въ мѣстахъ порожистыхъ на Мстѣ и на Волховѣ, правительство заботилось содержать искусныхъ лоцмановъ, которые за проводъ судовъ съ казеннымъ грузомъ получали узаконенную плату, а съ частныхъ судовщиковъ брали по вольнымъ

цѣнамъ или по взаимному соглашенію, подъ наблюденіемъ однакоже со стороны правительства за тѣмъ, чтобы не было промышленникамъ обидъ и притѣсненій (91).

Вообще основнымъ правиломъ правительства были, благоразумная свобода, предоставленная промышленности и торговлѣ, и отстраненіе преградъ для преуспѣянія и возрастанія оныхъ. Коммиссія о Коммерціи старалась уничтожать тягостныя для народа монополіи и разныя подати и сборы, которыя и по самому существу своему, и особенно по способу взиманія, служили поводомъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ, и мало прибавляя къ сокровищницѣ государственной, набогащали только сборщиковъ, на счетъ всей массы податнаго населенія. Не ограничиваясь мыслію усилить торговлю внутреннюю, Коммиссія изыскивала способы пріучить Рускихъ къ прямымъ сношеніямъ съ иностранными торговцами, и для того постановила, чтобы съ Рускихъ кораблей, приходящихъ изъ за границы съ чужеземными товарами, не брать ни пошлинъ, ни акциза (92), и чтобы на кораблахъ, построенныхъ на нашихъ верфяхъ и снаряжаемыхъ за море, находилось двѣ трети собственныхъ мореходцевъ, и не болѣе трети иноземцевъ (93). Въ видахъ споспѣшествованія торговлѣ, важнѣйшимъ законоположеніемъ сего періода былъ *Вексельный уставъ* (94), изданный *для пользы казны и для лучшаго распорядка въ купечествѣ*, *и для удержанія*

излишнихъ расходовъ и опасностей въ пути отъ воровъ и разбойниковъ, и содержащій въ себѣ новыя еще для Россіи, подробныя правила для вексельныхъ сдѣлокъ какъ купцевъ между собою, такъ и всѣхъ вообще частныхъ людей съ казною; такъ названные тогда казенные векселя обращались въ это время почти съ такою же пользою и имѣли такое же довѣріе, какъ въ послѣдствіи ассигнаціонныя деньги.

4. *Окончаніе первой Камчатской экспедиціи и слѣдствія оной.*

Царствованію Петра II предоставлено было видѣть окончаніе экспедиціи, по плану Петра Великаго составленной, и при Екатеринѣ I отправившейся въ путь незнаемый для поисковъ на Восточномъ океанѣ. Берингъ, послѣ долговременныхъ приготовленій къ предпріятію, въ Россіи небывалому, прибылъ въ Охотскъ въ Іюлѣ 1727 года, слѣдственно слишкомъ чрезъ два года по отъѣздѣ изъ С. Петербурга; переѣздъ чрезъ Охотское море въ Камчатку, переволокъ сухопутный изъ Большерѣцка въ Нижнекамчатскъ, и построеніе новыхъ судовъ, заняли еще цѣлый годъ времени такъ, что не ранѣе 9 Іюля 1728 года могъ Берингъ выйти изъ устья рѣки Камчатки въ открытое море. Въ сопровожденіи лейтенантовъ Чирикова и Шпагберга и мичмана Чаплина, съ командою изъ 44 человѣкъ состояв-

шею, онъ прошелъ отъ 56° 03' до 67° 18' сѣверной широты, открылъ цѣлыя гряды неизвѣстныхъ дотолѣ островов, достигъ самаго края Азіи къ сѣверовостоку, осмотрѣлъ широкій проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки, и поднявшись отъ Чукотскаго носа къ сѣверу на 3°, видѣлъ неизмѣримый Ледовитый океанъ, и далѣе плыть не рѣшился, изъ опасенія, чтобы *не попасть въ ледъ*. Августа 16 онъ принялъ обратный путь, считая, что задача правительства разрѣшена удовлетворительно, и 1 Сентября вступилъ снова въ устье Камчатки. Въ слѣдующемъ 1729 году дѣлалъ Берингъ попытку на востокъ отъ Камчатки, полагая открыть твердую землю; но, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, принужденъ былъ поворотить на западъ, обогнулъ мысъ Лопатку или южную оконечность полуострова и изъ Большерѣцка переправился въ Охотскъ. Отправившись отсюда въ Іюнѣ, прошелъ онъ снова всю Сибирь съ востока на западъ, частію сухопутно, частію водою, и послѣ пяти лѣтняго отсутствія прибылъ въ С. Петербургъ въ Мартѣ 1730 года, уже по кончинѣ Императора Петра II. Слава подвига Берингова не можетъ принадлежать сему Государю: онъ не имѣлъ никакого участія въ снаряженіи экспедиціи, вовсе не заботился о ходѣ оной, и не успѣлъ узнать о счастливомъ ея окончаніи.

Въ то время, какъ по идеѣ Петра Великаго распространялись географическія свѣдѣ-

нія о самыхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ Имперіи, правительство Петра II, также во исполненіе благотворныхъ предположеній безсмертнаго Преобразователя, старалось привести въ извѣстность и внутреннія части государства. *Разсуждая, что ландкарты къ знанію и вѣдѣнію о губерніяхъ, и провинціяхъ, и городахъ потребны,* Сенатъ предписалъ геодезистамъ, окончить немедленно сочиненіе картъ всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ (95). Еще въ 1720 году отправлено было изъ Морской Академіи нѣсколько знающихъ геодезистовъ съ цѣлію, на основаніи частныхъ описаній и картъ, составить общій атласъ всей Имперіи. По недостатку людей способныхъ, это дѣло производилось съ необыкновенною медленностію, и не ранѣе, какъ чрезъ 25 лѣтъ, могло быть окончено; первый атласъ Россійской Имперіи изданъ былъ уже въ 1745 году, въ царствованіе Императрицы Елисаветы.

Указанныя здѣсь правительственныя дѣйствія свидѣтельствуютъ ясно, что Россія, возбужденная къ новой жизни Царемъ-Геніемъ и счастливо двинутая къ цѣли улучшенія, сохранила свою жизненность и не остановила своего шествія впередъ даже и въ то время, когда безпорядки Дворскіе и крамолы олигархическія, казалось, долженствовали необходимо потрясти ея начинавшееся благоденствіе въ основаніяхъ, еще неупроченныхъ временемъ. Нельзя однакожь не видѣть, что все доброе, совершившееся въ сей періодъ

времени, было произведено не соединенными усиліями всего верховнаго правительства, но было плодомъ соображеній и ума не многихъ избранныхъ.

Обрученіе Императора Петра II.

Наступилъ день, вожделенный для Долгорукихъ! Въ три часа по полудни, 30 Ноября, явились во Дворецъ всѣ члены Царскаго Дома, высшіе чины, придворные, военные и гражданскіе, и дипломатическій корпусъ. По изготовленіи всего нужнаго къ принятію высокихъ обручающихся, Князь Иванъ Алексѣевичь отправился за невѣстою, которая при самомъ входѣ во Дворецъ встрѣчена была Оберъ-Гофмаршаломъ и Оберъ-Церемоніймейстеромъ, а по вступленіи въ залу собранія сѣла въ уготованныя для нее кресла, имѣя подлѣ себя, по правую руку Царицу-Бабку, а по лѣвую Цесаревну и Царевенъ, и позади себя свою мать, сестру и ближайшихъ родныхъ своихъ. Напротивъ Княжны-невѣсты, на другой сторонѣ залы, занялъ мѣсто Императоръ, окруженный блистательною свитою своихъ Царедворцевъ и Министровъ иностранныхъ. Въ срединѣ залы, у нарочно поставленнаго налоя, стояло многочисленное духовенство, главою коего былъ Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичь; противъ же налоя устроенъ былъ великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый шестью Генералъ-майорами (96); подъ

симъ балдахиномъ совершился святый обрядъ обрученія. Невѣста, наименованная съ сей минуты Великою Княжною и Высочествомъ, принимала торжественно поздравленія отъ всѣхъ присутствовавшихъ. Князь Василій Володимировичь Долгорукій, привѣтствовавшій ее вмѣстѣ съ другими, произнесъ при семъ случаѣ слова примѣчательныя: »Вчера еще Вы были моею племянницею; сегодня стали уже моею всемилостивѣйшею Государынею; но да не ослѣпитъ Васъ блескъ новаго величія и да сохраните Вы прежнюю кротость и смиреніе. Домъ нашъ надѣленъ всѣми благами міра; не забывая, что Вы изъ него происходите, помните однакоже болѣе всего то, что власть высочайшая, даруемая Вамъ Провидѣніемъ, должна счастливить добрыхъ и отличать достойныхъ отличія и наградъ, не разбирая ни имени, ни рода (97).

И посреди сего торжества, увѣнчавшаго по видимому всѣ горделивые помыслы и желанія Долгорукихъ, они не преставали тревожиться недовѣрчивостію и подозрѣніями: во время совершенія церемоніи, по распоряженію Князя Ивана Алексѣевича, всѣ выходы Дворца заняты были войсками; въ самой залѣ поставлены гренадеры съ заряженными ружьями.

Въ продолженіе Декабря мѣсяца одни увеселенія смѣняли другія; пиршества при Дворѣ для высшаго круга, и разнообразныя потѣхи для народа были каждодневно, особенно во время святокъ. Среди сихъ празд-

нествъ, Невѣста менѣе всѣхъ была счастлива: она видѣла разрушенiе самой сладостной мечты своей связать судьбу свою съ судьбою человѣка, избраннаго ея сердцемъ; она любила Графа Мелезимо, одного изъ чиновниковъ въ свитѣ Графа Вратислава (98). И она, подобно Княжнѣ Меншиковой, сдѣлалась несчастною жертвою родительскаго честолюбiя.

Болѣзнь и кончина Петра II.

Начало 1730 года ознаменовано было новымъ знакомъ милости Государя къ фамилiи Долгорукихъ: Князь Иванъ Алексѣевичь пожалованъ былъ майоромъ лейбъ-гвардiи Преображенскаго полка; сiе званiе, поставлявшее его въ рядъ высшаго генералитета военнаго, даровано ему по случаю вступленiя его въ бракъ съ Графинею Натальею Борисовною Шереметевою, считавшеюся тогда первою невѣстою по знаменитости рода, по богатству и по красотѣ, и прославившеюся въ послѣдствiи своимъ злополучiемъ и кроткими, иноческими добродѣтелями (99).

Со дня обрученiя, Императоръ былъ неразлученъ съ своею невѣстою; безпрерывные переѣзды или въ Лафертовской Дворецъ, гдѣ имѣлъ тогда свое пребыванiе Петръ II, или изъ Лафертовскаго въ Головинскiй, гдѣ жительствовала Княжна Катерина Алексѣевна съ отцемъ своимъ. — Весь народъ Московскiй каждодневно толпился около сихъ двухъ

пунктовъ. Генваря 6, Государь, стоя на запяткахъ саней невѣсты своей, выѣхалъ большимъ поѣздомъ на водосвятіе; къ сей священной церемоніи собраны были всѣ войска, бывшія тогда въ Москвѣ. Въ жестокой морозъ, находясь предъ фронтомъ долго безъ всякаго движенія, и во все время священнослуженія стоя съ непокровенною головою, Императоръ получилъ сильную простуду; въ туже ночь открылись лихорадочные припадки; утромъ, 7 числа, разнесся по всей Москвѣ слухъ о болезни Государя; первые три дни врачи не могли положительно опредѣлить рода болезни; не ранѣе 10 числа стало извѣстно навѣрное, что у Государя оспа злокачественная и весьма опасная.

Вся столица находилась въ тревогѣ и страхѣ при мысли о предстоящемъ переворотѣ государственномъ въ случаѣ кончины Императора. Можно вообразить себѣ, въ какое ужасное положеніе повергнута была фамилія Князей Долгорукихъ, особенно семейство Князя Алексѣя Григорьевича: быть такъ близко къ цѣли своихъ желаній, стоять уже на самыхъ ступеняхъ трона, и вдругъ подлѣ этой высоты видѣть разверзтую пропасть, готовую поглотить ихъ! Князь Алексѣй трепеталъ, но не бездѣйствовалъ: всѣ его родичи приглашены на семейной совѣтъ. Князь Василій Владимировичь былъ тогда въ гостяхъ у Княжны Вяземской въ Подмосковной ея деревнѣ; къ нему отправили нарочнаго гонца съ вѣ-

тію объ опасной болезни Государя и съ приглашеніемъ въ Москву. На другой день по возвращеніи въ столицу, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Княземъ Михаиломъ прибылъ онъ въ Головинской Дворецъ (100), и долженъ былъ необходимо принять участіе въ начатомъ уже совѣщаніи о дѣлѣ необыкновенно важномъ. Князья Алексѣй Григорьевичь, братья его Иванъ и Сергій, и сынъ его Иванъ Алексѣевичь, согласно постановили, что бы въ случаѣ кончины Императора провозгласить наслѣдницею его Высочайшихъ правъ и самодержавною Государынею обрученную его невѣсту, Княжну Катерину Алексѣевну (101). Прямодушный Князь Василій Владимировичь, услышавъ о такомъ преднамѣреніи, не обинуясь сказалъ имъ: »*Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? не только посторонніе, но и онъ Князь Василій и прочіе нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захотятъ. Княжна Катерина съ Государемъ не вѣнчалась.* »*Хоть не вѣнчалась, но обручалась*, возразилъ ему Князь Алексѣй. »*Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное*, отвѣчалъ Князь Василій Владимировичь: *да ежели бы она за Его Величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ее наслѣдницею не безъ сомнѣнія было* (102). Князья Григорьевичи, недовольные возраженіями Фельдмаршала, надѣялись еще склонить его на свою сторону и

представляли ему возможность предпріятія: »Мы уговоримъ къ тому Графа Головкина и Князя Д. М. Голицына, *а ежели они въ томъ заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить; и при томъ какъ не сдѣлаться по нашему? ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а Князь Иванъ майоръ, и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому* (103). Ужасаясь ихъ дерзновенія и предусматривая гибельныя послѣдствія сколько безумнаго, столько же и преступнаго начинанія, Князь Василій Владимировичь заклиналъ ихъ отстать отъ замышленнаго дѣла, и предвѣщалъ имъ, въ противномъ случаѣ, неизбѣжную гибель всему ихъ роду: »*Лучше хочу правду вамъ говорить, а не манить.*« Но видя непреклонность Князя Алексѣя и его братьевъ, Князь Василій Владимировичь оставилъ собраніе, и съ тѣхъ поръ ни онъ, ни братъ его Князь Михаилъ, никогда болѣе не участвовали въ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ другихъ Князей Долгорукихъ.

Князь Алексѣй и братья его, не убѣжденные, а только раздраженные сильными представленіями Князя Василія Владимировича, рѣшились неотмѣнно дѣйствовать къ достиженію преступной цѣли своей, и не полагаясь уже на помощь гвардіи, по причинѣ несогласія на то Фельдмаршала, они придумали другое средство: увлекшись обманчивыми внушеніями Датскаго посланника Вестфалена (104), они положили на мѣрѣ сочинить, и сочинили, отъ имени Императора духовную, которою

наслѣдство престола завѣщалось въ пользу обрученной невѣсты Государя. Князь Алексѣй Григорьевичь и Князь Василій Лукичь (105) диктовали слова духовной, Князь Сергій писалъ со словъ ихъ сперва начерно, а потомъ онъ же переписалъ ее *уборнымъ письмомъ* въ двухъ экземплярахъ; одинъ экземпляръ, по приказу отца и дядей, подписалъ Князь Иванъ Алексѣевичь *такимъ почеркомъ, какъ Его Величество имя свое подписывалъ*, а другой взялъ съ собою, что бы при удобномъ случаѣ поднести Государю къ собственноручному его подписанію. Но тогда же опредѣлили они единогласно, что ежели Петръ II, *за тяжкою его болезнію*, духовной подписать будетъ не въ состояніи, то предъявить народу завѣщаніе, подписанное рукою Князя Ивана и сказать, что *яко бы самъ Государь подписалъ оное.*

Между тѣмъ состояніе Государя, подававшаго нѣкоторое время (отъ 12 — 17 числа) надежду къ выздоровленію, сдѣлалось вдругъ отчаяннымъ и безнадежнымъ, частію отъ неразумія врачей (106), частію отъ его собственной неосторожности; 18го совершены надъ нимъ послѣдніе обряды и таинства церкви; онъ уже былъ безъ чувствъ, и въ половинѣ 2 часа утра, съ 18 на 19 Генваря, скончался на 15 году возраста (14 лѣтъ, 3 мѣсяцевъ и 7 дней) и на 3 (2 года, 8 мѣсяцевъ и 13 дней) своего царствованія. Со смертію Петра II пресѣклась мужеская линія династіи Романовыхъ.

ПОЯСНЕНІЯ и ДОПОЛНЕНІЯ.

1 (стр. 3). Петръ II родился 12 Октября 1715 года, а вступилъ на престолъ 7 Маія 1727. Въ первый же день воцаренія Его, въ присутствіи всѣхъ членовъ Императорскаго Дома, Верховнаго Тайнаго Совѣта, и важнѣйшихъ лицъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ, предъявлено было завѣщаніе Екатерины I и торжественно утверждено подписью 47 человѣкъ. По сему случаю составленъ былъ особый протоколъ, доселѣ въ подлинникѣ сохраненный:

»1727, *Маія 7 дня, Ея Императорскаго Величества блаженной и высокодостойной памяти тестаментъ, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, при присутствіи Его Императорскаго Величества и, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, слушанъ, и во всемъ по тому исполнять должны и повинны*:

Петръ.
Анна.
Елисаветъ.
Карлъ Фридерихъ.
Наталія.

Александръ Меншиковъ.
Гаврило Головкинъ.
Генералъ - Адмиралъ Графъ Апраксинъ.
Князь Дмитрій Голицынъ.
Андрей Остерманъ.
Jan Sapieha.
J. Günther.
Змаевичь.
Христофоръ Миннихъ.

Ѳеофанъ Архіепископъ Новгородскій.
Георгій Архіепископъ Ростовскій.
Ѳеофилактъ Архіепископъ Тверскій.
Афонасій Епископъ Вологодскій.
Петръ Архимандритъ Невскій.

Князь Алексѣй Долгорукій.
Михайло Волковъ.
Иванъ Дмитріевъ-Мамоновъ.
Андрей Ушаковъ.
Князь Григорій Юсуповъ.
Семенъ Салтыковъ.
Алексѣй Волковъ.
Алексѣй Макаровъ.
Наумъ Сенявинъ.
Василій Корчминъ.
Иванъ Бибиковъ.
Артемій Волынскій.
B. Campenhausen.
Князь Алексѣй Шаховскій.
Генри Фаминцынъ.
Le chevalier de Brigny.
Василій Степановъ.
Василій Новосильцовъ.
Князь Алексѣй Черкаскій.
Юрій Нелединскій-Мелецкій.
Ѳедоръ Наумовъ.
Иванъ Плещѣевъ.
Général major Hochmuth.
Генералъ-Маіоръ Василій Порошинъ.
Général major de Coulon.
Chrzystof Urbanowicz général major.

Замѣчательно, что Царевны Іоаннова Дома не были приглашены въ присутствіе и, въ совершеніи сего акта во все не участвовали.

2 (стр. 4). Слова Ивана Ивановича Бутурлина. Извлечено изъ дѣла слѣдственной коммиссіи, учрежденной надъ Графомъ Девьеромъ и мн. др., и существовавшей отъ 27 Апрѣля до 6 Маія 1727. Иностранные писатели: Веберъ, Шмитъ — Фиссельдекъ и Лакомбъ, и съ ними вмѣстѣ Александръ Ивановичь Вейдемейеръ, полагають, что сія коммиссія была закрыта и преступники наказаны уже при Петрѣ II; но акты, приведенные мною въ статьѣ: *Царствованіе Екатерины I*, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что коммиссія и начала и кончила свои дѣйствія еще при жизни Императрицы. Указъ Петра II

отъ 27 Маія 1727 содержитъ въ себѣ не приговоръ надъ виновными, уже наказанными давно, но предостереженіе поданнымъ на будущее время, и совѣтъ воздерживаться впредь отъ подобныхъ злоумышленій.

3 (стр. 4). Враги Князя Меншикова, дѣйствовавшіе противъ него вмѣстѣ съ Гр. Девьеромъ, были Графъ П. А. Толстой съ сыномъ Иваномъ, ГГ. Скорняковъ — Писаревъ, И. И. Бутурлинъ, А. И. Ушаковъ, А. Л. Нарышкинъ и Князь И. А. Долгорукій.

4 (стр. 5). И. И. Бутурлинъ, въ бесѣдѣ съ Девьеромъ, жаловался на Князя Меншикова, говоря: »*что хочетъ, то и дѣлаетъ; и меня мужика стараго обидѣлъ, команду отдалъ мимо меня младшему; но пусть онъ не думаетъ, что Голицыны, Куракины и другіе, ему друзья и дадутъ ему надъ собой властвовать. Нѣтъ! они скажутъ ему: полно де, миленькой; и такъ ты нами властвовалъ; поди прочь! Свѣтлѣйшій Князь не знаетъ съ кѣмъ знаться; хотя Князь Дмитрій Михайловичъ манитъ или льститъ, не думалъ бы, что онъ ему вѣренъ, только для своего интересу*.« Изъ дѣлъ Слѣд. Комм. надъ Девьеромъ.

5 (стр. 6). Указъ 20 Маія 1727.

6 (стр. 6). Weber's Verändertes Russland, Schmidt—Phiseldeck's Materialien zur russischen Geschichte.

7 (стр. 7). Указъ 18 Маія 1727.

8 (стр. 9). Письмо Е. И. Пашкова къ Княгинѣ А. П. Волконской отъ 9 Октября 1727.

9 (стр. 13). Указъ 4 Іюля 1727.

10 (стр. 14). Декларація 24 Іюля 1727.

11 (стр. 16). Причины и начало споровъ за Курляндію изложены въ статьѣ моей: *Царствованіе Екатерины I.*

12 (стр. 18). Указъ 26 Маія 1727.

13 (стр. 18). Указъ 17 Іюня 1727.

14 (стр. 18). Указъ 23 Іюня и 5 Іюля 1727.

15 (стр. 18). Указъ 20 Іюля 1727.

16 (стр. 18). Указъ 4 Августа 1727.

17 (стр. 20). Указъ 16 Іюня и 18 Сентября 1727.

18 (стр. 24). Сіе обстоятельство объяснено въ статьѣ: *Царствованіе Екатерины I.*

19 (стр. 25). Письмо А. П. Бестужева къ Аннѣ Іоановнѣ отъ 6 Января 1728: »*Я сему истинно не завидую,*« при-

бавляетъ Бестужевъ: *но токмо соболезную, что я за вѣрныя мои услуги весьма забвенію преданъ.*"

20 (стр. 25). Князь Меншиковъ, по возведеніи его въ достоинство Генералиссимуса, сложилъ съ себя званіе С. Петербургскаго Генералъ-Губернатора, имъ дотолѣ носимое.

21 (стр. 26). „*Дерзаю просить, да изволите бѣднаго Семена Маврина вѣрныя услуги напамятовать, и о возвращеніи его изъ Сибири паки ко Двору заступить, представить вѣрныя его отъ* 1719 *года услуги такъ, что едва Его Императорское Величество не воспиталъ.*" Письмо А. П. Бестужева къ Аннѣ Іоанновнѣ отъ 6 Января 1728 года.

22 (стр. 26). При семъ прилагается въ вѣрной копіи: *Начертаніе ученія Императора Петра II, сочиненное Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ.*

Понеже часы къ наукамъ и забавамъ всегда перемѣняться имѣютъ, того ради въ раздѣленіи оныхъ надлежитъ наипаче смотрѣть предъ полудня. И такъ, ежели Его Императорское Величество обыкнетъ порядочно отъ 9 или 10 часа почивать ложиться, то можетъ паки отъ 7 или 8 часа вставать. И понеже ничто благословенно быть не можетъ, что не съ Богомъ начато, произведено и совершено бываетъ, то бъ первое и наиважное было, чтобъ Его Императорское Величество, коль скоро встанетъ, прежде всего чинить имѣлъ, чтобъ къ Богу обратился и умиленною молитвою себя ему наиприлежнѣйше препоручилъ. Потомъ, отдохнувъ не много, можно науки предвоспріять, а именно симъ порядкомъ:

Въ понедѣльникъ.

Отъ 9 *до* 10 *часа* читать исторію и вкратцѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдовавшею потомъ пользою и славою представлять. И такимъ образомъ можно во время полугода пройти Ассирійскую, Персидскую, Греческую и Римскую Монархіи, до самыхъ новыхъ временъ, и можно къ тому пользоваться авторомъ первой части Историческихъ дѣлъ Ягановъ Гибнеромъ, а для пріискиванія такъ называемымъ Гилдерзаломъ.

Отъ 10 *до* 11 *часа* можетъ Его Императорское Величество отдохнуть или, по соизволенію, въ своихъ покояхъ забавляться.

Отъ 11 *до* 12 *часа* продолжать древнюю исторію.

— 12 — 2 — оставляется на кушанье и покой Его Императорскаго Величества.

По полудни.

Отъ 2 *до* 3 *часа* можно на танцованіе и соизволяемый при томъ концертъ употребить.

Отъ 3 *до* 4 *часа*, географію, отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ, показывать, и къ тому употреблять краткое описаніе Гибнерово.

Отъ 4 *до* 5 *часа*, паки на забаву Его Императорскаго Величества опредѣляется и можно гуляньемъ забавляться.

Отъ 5 *до* 6 *часа* пидѣ, гдѣ покоиться, и отъ 6 до 7 прежнія забавы продолжать.

Во вторникъ.

Отъ 9 *до* 10 *часа*, для отмѣны противъ прежняго дня, новую исторію трактовать, и въ оной, по приводу Г. Пуфендорфа, новое дѣяніе каждаго, а особливо пограничныхъ государствъ, представлять, и впрочемъ извѣстіе о правительствующей фамиліи каждаго государства, интерессѣ, формѣ правительства, силѣ и слабости по малу подавать.

Отъ 10 *до* 11 *часа* остается на покой.

— 11 — 12 — продолжать новую исторію.

По полудни.

— 2 — 3 — забавляться игрою, названною Валянтеншпиль.

— 3 — 4 — Математическія операціи, ариѳметику и географію учить.

— 4 — 5 — можно забавляться стрѣльбою въ мишень.

— 5 — 6 — не много отдыхать.

— 6 — 7 — одну забаву изъ прежнихъ продолжать.

Въ среду.

До полудня будетъ Его Величество присутствовать въ

Тайномъ Совѣтѣ и больше того ничего инаго чинить не будетъ.

По полудни.

Отъ 2 — 3 — обучаться биліардомъ.
— 3 — 4 — продолжать древнюю Исторію.
— 4 — 5 — забавляться ловлею на острову.
— 5 — 6 — можно покоиться.
— 6 — 7 — продолжать прежнюю забаву.

Въ четвертокъ.

— 9 — 10 — географію.
— 10 — 11 — отдыхать.
— 11 — 12 — паки географію.

По полудни.

— 2 — 3 — танцовать.
— 3 — 4 — Новую Исторію.
— 4 — 5 — концертъ музыческой.
— 5 — 6 — продолжать музыку или отдыхать.
— 6 — 7 — тоже или гулять ѣздить.

Въ пятницу.

Предъ полуднемъ присутствуетъ Его Императорское Величество паки въ Тайномъ Совѣтѣ.

По полудни.

— 2 — 3 — Волянтеншпиль или бильярдомъ.
— 3 — 4 — прочія математическія части и искуства изъ механики, оптики и проч.
— 4 — 5 — на лошадяхъ гулять ѣздить.
— 5 — 6 — отдыхать.
— 6 — 7 — продолжать одну изъ прежнихъ забавъ сего дня.

Въ субботу.

До полудня можно по изволенію то, что въ географіи и математикѣ во всю недѣлю учено, твердить.

По полудни отъ всѣхъ раздѣленныхъ часовъ свобода.

Вышерѣченнымъ образомъ можно первую половину года поступать.

Въ другую половину года отмѣну учинить и другія дѣла начать. Каждой наукѣ надлежитъ собственное краткое описаніе учинить, которое къ обученію Его Императорскаго Величества особливо учреждено быть имѣетъ.

Ежели Его Величество ввечеру въ 7 часу или въ полъ осьмаго кушать изволитъ; то можетъ послѣ ужина,

пока часъ къ почиванью придетъ, паки изъ Божественной книги что нибудь читать повелѣть, и потомъ, по совершеніи молитвы, во имя Божіе, на покой итти."

Сего предложенія написано было два экземпляра и оба закрѣплены отъ особъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: одинъ экземпляръ поднесенъ отъ нихъ самому Императору 21 Іюня 1727, во время перваго Его присутствія въ Совѣтѣ, а другой, въ тоже время отданъ Оберъ-Гофмейстеру Его Величества Барону Остерману, который самъ былъ членомъ сего Совѣта.

Сверхъ сего предначертанія со стороны Совѣта, Остерманъ сочинилъ особенный и подробнѣйшій планъ ученію, въ слѣдующихъ 11 отдѣленіяхъ состоящій:

I. О ученіи вообще.
II. О новой Исторіи или Статистикѣ.
III. О политикѣ.
IV. О военномъ искуствѣ.
V. О древней Исторіи.
VI. Объ Ариѳметикѣ и Геометріи.
VII. О Космографіи.
VIII. О Физическихъ знаніяхъ.
IX. Объ Архитектурѣ.
X. О наукахъ, отличность воспитанія обнаруживающихъ.
XI. О расположеніи дней и часовъ.

Ко всему тому Новгородскій Архіерей Ѳеофанъ присовокупилъ потомъ свое мнѣніе: „Какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ Христіанскомъ законѣ."

23 (стр. 30). Webers veränd. Russl. III; Schmidt Phiseldeck's Materialien I, и А. И. Вейдемейера обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи.

24 (стр. 34). Сіи бумаги въ подлинникѣ находятся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

25 (стр. 36). А. И. Вейдемейеръ въ первой части своего Обзора называетъ Василія Ѳедоровича Салтыкова исполнителемъ повелѣній Петра II о Меншиковѣ. Василій Ѳедоровичь, братъ Царицы Парасковіи, до вступленія на престолъ Анны Іоанновны, не былъ на сценѣ правитель-

ственной и не ранѣе 1732 года является при Дворѣ въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта.

26 (стр. 37). Указъ 6 Сентября 1727.

27 (стр. 38). Указъ 8 Сентября 1727.

28 (стр. 38). Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie par Manstein и Schmidt-Phiseldecks Materialien. Веберъ, въ упомянутомъ сочиненіи своемъ: Verändertes Russland, пишетъ, что Княгиня Меншикова дѣйствительно видѣла Императора въ церкви и просила Его, но безуспѣшно.

29 (стр. 40). Письмо Е. И. Пашкова къ И. А. Черкасову отъ 4 Октября 1727.

30 (стр. 40). Письмо того же къ тому же отъ 25 Сентября 1727.

31 (стр. 42). Процессъ Царевича Алексѣя Петровича. Подлинные акты сего процесса хранятся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

32 (стр. 44). Histoire de revolution de l'empire de Russie par La Combe и Gegenwärtige Staat von Moscow, oder Russland, von Salmon, aus dem englischen übersetzt von Reichard.

Примѣчаніе. Немедленно по взятіи Князя Меншикова, Петръ II послалъ къ Герцогу и Герцогинѣ Голштинскимъ извѣщеніе о томъ въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

. . . . indem der unselige und vermessene Fürst Menzikof, welcher dem Kayser Petro primo und der Kayserinn Catharina höchstseligsten Andenkens, auch mir selbsten alles Glück und allen gesamleten unsäglichen Reichtum der, so zu sagen, fast den Kaiserlichen Schatz übertrifft, einzig und allein zu danken hat, mit der grössten Verwegenheit den Respect, welchen er Ihro Kais. Hoheit unserer geliebtesten Princessin Schwester schuldig ist, versaget, auch Ihro sämtlichen Kais. Hoheiten, meinen geliebtesten Schwestern weniger Deferenz und Hochachtung, als vor seine Tochter bezeuget hat, anderer grossen und Laesae Majestatj gleichzuhaltenden Lastern zu geschweigen. Um nun diesem Baume die gefährlichen Wurzeln abzuschneiden,

so hat mein Conseil wider diesen Verräther ein Urtheil dahin gesprochen, dass er (jedoch seine Gemahlin und Kinder davon ausgenommen) seiner Ehrentitel beraubet seyn soll, damit sein Gedächtniss aufhören und sein unrechtmässig erworbenes Reichthum in den Kaiserlichen Schatz, aus welchen er ihn entwendet hat, wieder zurückfliessen möge. Ich zweifle nicht, es werde dieses nach den Gesetzen gesprochenes Urtheil Ew. Königl. und Kaiserl. Hoheiten angenehm seyn, zumalen dero eigene Ehre dabey und durch diesen bösen unwürdigen Menschen verletzt worden ist, als welcher unter dem falschen Scheine einer Aufrichtigkeit alle Menschen hätte betrügen können.

33 (стр. 46). Указъ 3 Октября 1727.

34 (стр. 48). Супруга Остерманова, Мароа Ивановна, была урожденная Стрѣшнева.

35 (стр. 52). Князь Сергій Григорьевичь Долгорукій былъ женатъ на дочери Барона Шафирова.

36 (стр. 57). Князь Алексѣй Михайловичь Черкасскій былъ женатъ на родной племянницѣ Царицы Наталіи Кириловны.

37 (стр. 58). По упраздненіи Кабинета, Макаровъ назначенъ Президентомъ Камеръ-Коллегіи, а Черкасовъ, за участіе въ дѣлѣ Княгини Волконской, *сосланъ въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ.*

38 (стр. 60). Пашковъ удаленъ изъ Военной Коллегіи по тому же дѣлу о Княгинѣ Волконской; въ протоколѣ Верховнаго Совѣта сказано: *Егору Пашкову, за продерзостныя къ ней Волконской и къ Ивану Черкасову письма, въ Военной Коллегіи у дѣлъ не быть.*

39 (стр. 61). Buching's Magasin.

40 (стр. 61). Указъ 6 Ноября 1727.

41 (стр. 61). Указъ 3 Ноября 1727.

42 (стр. 61). Указъ 24 Декабря 1727.

43 (стр. 62). Указъ 22 Февраля 1707.

44 (стр. 62). Указъ 15 Декабря 1717.

45 (стр. 62). Адмиралъ Крюйсъ скончался 14 Іюня 1727 на 70 году отъ рожденія.

46 (стр. 63). Указъ 16 Сентября 1727.

47 (стр. 63). Указъ 8 Іюля 1728.

48 (стр. 64). Дюкъ де Лиріа во время пребыванія своего въ Россіи написалъ весьма любопытныя записки о состояніи Двора Петра II и о характерѣ главныхъ нашихъ дѣйствователей сего времени, равно какъ и о свойствахъ иностранныхъ Министровъ, находившихся тогда въ Москвѣ.

49 (стр. 65). Всеподданнѣйшій докладъ маіора Петра Калачева, хранящійся въ Госуд. Архивѣ М. И. Д.

50 (стр. 72). Указъ 2 Іюня 1726.

51 (стр. 74). Указъ 12 Января 1722.

52 (стр. 75). Регламентъ Главнаго Магистрата 16 Января 1721.

53 (стр. 75). Указъ 18 Августа и 20 Декабря 1727.

54 (стр. 78). Письма Пашкова къ Черкасову и къ Княгинѣ Волконской отъ 9 и 24 Октября 1727.

Примѣчаніе. Письма Пашкова со множествомъ писемъ отъ другихъ лицъ, хранятся въ Госуд. Архивѣ М. И. Д. и принадлежатъ къ объясненію слѣдственнаго дѣла надъ Княгиней Аграфеной Петровной Волконской, дочерью Петра Михайловича Бестужева-Рюмина. Она была главою партіи; стремившейся къ униженію Царевенъ Іоаннова Дома, въ особенности Анны Іоанновны и ея любимцевъ Бирона и Левенвольда, и къ ослабленію ихъ вліянія при Дворѣ. Къ сей партіи принадлежали, Бестужевъ отецъ и его два сына Алексѣй и Михаилъ Петровичи, Сенаторъ Юрій Нелединскій-Мелецкій, Пашковъ, Черкасовъ; Тимоѳей Кутузовъ, Исаакъ Веселовскій, Ѳедоръ Талызинъ, Шталмейстеръ Кречетниковъ и А. Б. Бутурлинъ. Сей процессъ и документы, къ нему относящіеся, проливаютъ необыкновенный свѣтъ на современное состояніе Императорскаго Двора. Дѣло Княгини Волконской разсматривалось тремя членами Верховнаго Тайнаго Совѣта: Графами Апраксинымъ и Головкинымъ и Княземъ В. Л. Долгорукимъ; и рѣшено 28 Маія 1728 года.

55 (стр. 81). Замѣчательно, что еще за семь лѣтъ предъ симъ одному изъ Долгорукихъ поручено было Петромъ Великимъ сватанье жениха для Елисаветы.

Для любопытства прилагаю при семъ копію съ письма Петра I къ Князю В. Л. Долгорукому отъ 6 Маія 1721 года:

»Понеже Мы въ бытность свою во Франціи не много заговаривали Виллерою и мамѣ Королевской о сватаньѣ за Короля изъ нашихъ дочерей, а особливо за среднюю (понеже равнолѣтна Ему), но пространно тогда за скорымъ отъѣздомъ не говорили, которое дѣло нынѣ вамъ поручаемъ, чтобъ вы его, сколько возможность допуститъ, производили, однакожь, чтобъ то тайно было отъ Регента, въ чемъ приложите свой трудъ.«

56 (стр. 84). Къ числу приверженцевъ и друзей Остермана принадлежали въ это время Графы Апраксинъ и Головкинъ, какъ писалъ о томъ въ Парижъ, отъ 18 Октября 1727, Французскій повѣренный въ дѣлахъ Маньянъ (Magnan).

57 (стр. 85). Для большаго успокоенія своего, Долгорукіе думали было заключить Елисавету въ монастырь; но оставили это намѣреніе вѣроятно потому, что во все перестали ее опасаться. Князь Иванъ Алексѣевичь самъ признался въ этомъ умыслѣ во время несчастнаго процесса, производившагося надъ Долгорукими въ 1739 году.

58 (стр. 86). Рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Исторія Малороссіи Г. Бантышъ-Каменскаго. La Combe, Weber и Schmidt-Phiseldeck.

59 (стр. 87). Договоръ между Россіею и Китаемъ, заключенный на рѣчкѣ Бурѣ 20 Августа 1727. Размѣнныя письма или записи 12 и 27 Октября 1727 и 17 Маія 1728. См. Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи.

60 (стр. 88). Генеральный трактатъ между Россіею и Китаемъ 14 Іюня 1728.

61 (стр. 89). Графъ Савва Владиславичь возвратился въ Москву 9 Февраля 1729 года

62 (стр. 90). Манифестъ о коронаціи Императора Петра II, 10 Октября 1727.

63 (стр. 91). Указъ 27 и 31 Октября 1727.

64 (стр. 91). Собраніе списковъ кавалерамъ Г. Бантышъ-Каменскаго.

65 (стр. 92). Списокъ военнымъ генераламъ.

66 (стр. 92). Указъ 24 Февраля 1728.

67 (стр. 92). Указъ 27 Марта 1728.

68 (стр. 93). Полагаютъ, что Княгиня Меншикова скончалась въ селеніи Услонъ, лежащемъ на правомъ берегу Волги въ виду города Казани.

69 (стр. 102). Донесеніе Чугуевскаго Казака Кузьмина *о разныхъ дерзновенныхъ, непристойныхъ, возмутительныхъ, измѣнническихъ и воровскихъ дѣлахъ.* Въ семъ донесеніи обвинялись разнаго сословія люди въ поношеніи чести Князей Долгорукихъ и самаго Государя: *у Князя Алексѣя Долгорукаго много собакъ; Долгорукіе и Государя пріучили къ нимъ до того, что Онъ самъ лишаетъ въ корытѣ собакамъ.* Изслѣдованіе и розыски по сему дѣлу производились двумя членами Верховнаго Совѣта, Остерманомъ и Княземъ В. Л. Долгорукимъ, отъ Марта до половины Іюля 1729 года.

70 (стр. 104). Великая Княжна Наталія Алексѣевна скончалась десять дней спустя послѣ погребенія въ С. Петербургѣ Герцогини Голштинской Великой Княгини Анны Петровны.

71 (стр. 104). Записки Дюка де Лиріи: Extrait du journal du duc de Liria et Berwick, ambassadeur de Philippe V, roi d'Espagne.

72 (стр. 105). Церемонія погребенія Великой Княжны Наталіи Алексѣевны совершилась 20 Января 1729 года съ необыкновенною торжественностію и великолѣпіемъ.

73 (стр. 109). Процессъ надъ А. Л. Нарышкинымъ, производившійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Подлинныя показанія доносителей и отвѣты Нарышкина сохраняются въ Госуд. Архивѣ М. И. Д.

74 (стр. 109). Когда дворянинъ Козловъ уговаривалъ Нарышкина ѣхать къ Государю и поклониться Ему, то Александръ Львовичь отвѣчалъ: *что мнѣ Ему съ чего поклониться? Я и почитать Его не хочу; я самъ таковъ же, какъ и Онъ, и думалъ на царствѣ сидѣть, какъ Онъ; отецъ мой государствомъ правилъ; дай мнѣ сыскати изъ этой нужды, я знаю, что сдѣлать.*

75 (стр. 110). Высочайшая резолюція Императора Петра II, послѣдовавшая 14 Января 1729 года.

76 (стр. 110). Извлечено изъ дѣла по донесенію Казака Кузьмина. См. № 69.

77 (стр. 112). Еще прежде того, въ послѣдней половинѣ 1727 года, Пруссія старалась выдать за Петра II одну изъ своихъ Принцессъ.

78 (стр. 114). Иванъ Максимовичь Шуваловъ былъ отецъ знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова, покровителя и друга Ломоносова и учредителя Московскаго Университета.

79 (стр. 115). Графъ Николай Өедоровичь Головинъ, сынъ Генералъ-адмирала Өедора Алексѣевича, въ послѣдствіи сдѣлался примѣчательнымъ особенно по участію въ процессѣ Волынскаго, и вмѣстѣ съ Бирономъ, Остерманомъ и Княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, наиболѣе содѣйствовалъ къ его погубленію.

80 (стр. 115). Өедоръ Николаевичь Балкъ былъ женатъ на сестрѣ Камергера Вилима Монса, казненнаго въ 1724 году по повелѣнію Петра I. Вмѣстѣ съ братомъ потерпѣла и сестра Матрона Ивановна Балкъ: она бита кнутомъ и сослана въ Сибирь. Замѣчательно, что и дочь М. И. Балковой Наталья Өедоровна Лопухина потерпѣла въ царствованіе Елисаветы такое же наказаніе.

81 (стр. 116). Трактатъ заключенный въ С. Петербургѣ между Россіею и Пруссіею 9 (20) Сентября 1729.

82 (стр. 116). М. И. Леонтьевъ, двоюродный племянникъ Царицы Наталіи Кириловны, былъ женатъ на племянницѣ Князя Меншикова.

83 (стр. 117). Указъ 13 Декабря 1728.

84 (стр. 117). Указъ 11 Января и 16 Іюня 1729.

85 (стр. 118). Указъ 27 и 31 Іюля 1728.

86 (стр. 119). Указъ 15 Марта 1728.

87 (стр. 120). Около сего времени безпокоило нашихъ вельможъ - дипломатовъ предположеніе Австріи и Пруссіи — раздѣлить Польшу. Projet impraticable sans le concours de la Russie, писалъ Маньянъ къ своему Двору.

88 (стр. 120). Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ 12 Сентября 1728.

89 (стр. 122). Во время бѣдствія, постигшаго А. П. Волынскаго въ 1740 году, онъ уличенъ, и самъ сознался, *во взятьѣ безсовѣстныхъ злодѣйскихъ со многихъ людей взятокъ, въ похищеніи и употребленіи въ свою пользу немалаго числа казенныхъ денегъ и что въ бытность свою въ Казани губернаторомъ* (при Петрѣ II) *самовластно на тамошній народъ положилъ онъ, Волынскій, денежный не малый сборъ и тѣ собранныя деньги взялъ себѣ.*

90 (стр. 122). Указъ 14 Іюня 1728.

91 (стр. 124). Указы, 18 Апрѣля и 20 Декабря 1728, и 29 Генваря 1729.

92 (стр. 124). Указъ 27 и 31 Маія 1728.

93 (стр. 124). Указъ 24 Іюля 1729.

94 (стр. 124). Уставъ вексельный 16 Маія 1729.

95 (стр. 127). Указъ 2 Августа 1728.

96 (стр. 128). Балдахинъ поддерживали Генералъ-майоры: Князь Иванъ Θедоровичъ Борятинскій (зять Графа Головкина), Томасъ Венедіеръ (von Venediger), И. И. Бибиковъ, Левъ Васильевичъ Измайловъ, Кейтъ и Дмитрій Васильевичъ Еропкинъ. Церемонія обрученія подробно описана въ Weber's Veränd. Russland.

97 (стр. 129). Сіе привѣтствіе Князя В. В. Долгорукаго обрученной невѣстѣ его племянницѣ, помѣщено въ сочиненіяхъ Салмона и Лакомба; но въ Архивскихъ бумагахъ я не нашелъ оффиціальнаго подтвержденія, и потому не смѣю признавать свидѣтельства иностранныхъ писателей за достовѣрную истину.

98 (стр. 130). Записки Дюка де Лиріа.

99 (стр. 130). Княгиня Н. Б. Долгорукая обрѣчена была судьбою на продолжительныя страданія. Она влачила около десяти лѣтъ бѣдственную жизнь въ Березовѣ вмѣстѣ съ мужемъ, ея недостойнымъ, и послѣ его несчастной смерти возвратилась въ Россію для того, чтобы, познавши всю суетность земнаго, помышлять о небесномъ: она посвятила себя на служеніе Богу и, принявъ иноческій чинъ въ Кіевѣ, находила единственную отраду

въ молитвѣ и благотвореніяхъ. Екатерина II, по вступленіи своемъ на престолъ, привѣтствовала собственноручнымъ письмомъ злополучную страдалицу Нектарію Долгорукую, почти совершенно уже забытую свѣтомъ. Смиренный, изъ глубины души излившійся отвѣтъ на милостивое привѣтствіе великодушной Монархини, полученный Императрицею въ Сентябрѣ 1763 года, напомнилъ свѣту о Нектаріи Долгорукой; нѣсколько дней не болѣе она была предметомъ толковъ и холодныхъ сожалѣній царедворцевъ, и вскорѣ забыта ими и цѣлымъ міромъ, и забыта навсегда.

100 (стр. 132). Извлечено изъ слѣдственнаго дѣла *о государственныхъ безбожныхъ, тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйственныхъ воровскихъ замыслахъ Князей Долгорукихъ.*

По пріѣздѣ въ Москву, Князь В. В. Долгорукій съ братомъ своимъ Княземъ Михайломъ ѣздили сперва во Дворецъ Государевъ; но *за тяжкою болѣзнію Его Величества видѣть времени не получили*, и изъ Дворца отправились въ Головинской домъ къ Князю Алексѣю Григорьевичу. Показаніе Князя В. В. Долгорукаго.

101 (стр. 132). По прибытіи Князей Володимировичей, Князья Григорьевичи говорили имъ: *Вотъ де Его Величество весьма боленъ, и ежели де скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобъ послѣ Его Величества наслѣдницею Россійскаго престола быть обрученной Его Величества невѣстѣ Княжнѣ Катеринѣ.*

102 (стр. 132). *По кончинѣ Государя Императора Петра Великаго*, прибавилъ еще Князь Василій Владиміровичь, *покойная Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна хотя и царствовала, но только Ея Величество Государь Императоръ при животѣ своемъ короновалъ.*

103 (стр. 133). Князь Василій Владиміровичь возразилъ на представленія Григорьевичей: *что вы ребячье врете! какъ тому можно сдѣлаться? и какъ ему Князю Василію полку объявить? что услышавъ отъ него объ ономъ объявленіи не только будутъ его Князя Васильа бранить, но и убьютъ.*

104 (стр. 133). Во время болѣзни Петра II,

посланникъ Вестфаленъ писалъ къ Князю В. Л. Долгорукому письмо слѣдующаго содержанія: „*Слухъ носится, что Его Величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство Россійской Имперіи будетъ Цесаревнѣ Елисаветѣ или Голштинскому Принцу, то Датскому Королевскому Двору съ Россіею дружбы имѣть не можно, а понеже Его Величества обрученная невѣста фамиліи Вашей, то и можно удержать престолъ за нею, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно: Меншиковъ и Толстой, Государыню Императрицу Екатерину удержали, что и Вамъ по вашей знатной фамиліи учинить можно и что вы больше силы и славы имѣете.* Это письмо, сообщенное Княземъ Василіемъ Лукичемъ Князьямъ Григорьевичамъ, окончательно рѣшило ихъ дѣйствовать къ достиженію ихъ преступной цѣли самыми преступными путями.

105 (стр. 134). Въ этомъ важномъ случаѣ Князь Василій Лукичь выказалъ во всей наготѣ свое легкомысліе, малодушіе и человѣкоугодничество; онъ способствовалъ честолюбивымъ видамъ Князя Алексѣя не по убѣжденію, а частію изъ страха, частію изъ угодничества: *Въ сердцѣ своемъ*, сознавался онъ самъ, *я горячести о томъ не имѣлъ, а каковымъ образомъ въ духовной писать Князю Сергѣю словесно сказывалъ, прислуживаясь Князю Алексѣю и опасаясь, чтобъ его не раздражить, и чтобъ въ случаѣ, ежели Его Величество выздоровѣетъ, Князь Алексѣй не учинилъ тогда мнѣ какой бѣды; къ тому же видѣлъ я и то, что когда Его Величество скончается, тогда духовная и все противное ихъ намѣреніе произойти не можетъ.*

106 (стр. 134). Richter's Geschichte der Medecin.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	строк.		читай.
20	27	Екатериною II.	Екатериною I.
65	20	(46)	(49)
100	4	объемлющій	объемлющемъ